„ПРОМЕТЕЙ“

Державна Центр. Наукова Бібліотека імени Хорольчук

ЖУРНАЛ

ОСВОБОЖДЕННАГО ТВОРЧЕСТВА
И НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ

выпуск первый

1919

Украина

СТИХИ

Константин Данаев

МАСКА.

В замке Северной Альгамбры каждой ночью после бала
Ты ко мне приходишь в башню, маска в черном домино.
Запах мускуса и амбры в легком взмахе опахала
Дышит томно и устало, веет прянно и темно.

Меркнут радуги мозаик, пестрых красок киновари
В мутном отблеске замгленных, утомленных чем то ламп.
И дневной приют бросая, гномы ночи, как в угаре,
Выступают, пара к паре, из больших стенных эстамп.

Тени пляшут в мерной пляске уводящими кругами,
Исчезая в дальних залах там, где вился маскарад...
Не снимая черной маски, ты молитвенно, как в храме,
Распростертыми руками направляешь их парад.

И потом, склонясь беззвучно, шепчешь тихие заклятья,
Повторяя зов мелькнувшей, обманувшей нас любви.
И, как прежде, неразлучно замыкаем мы об'ятья,—
Кто ты? Кто ты? Должен знать я! Маску черную сорви!

Страсть вскипает... Кто ты?.. Кто мы? Не расторгнув плен сомнений
С криком я срываю маску, но под маской — никого!
И смеясь проходят гномы, и кружат бесшумно тени,
Хоры призрачных видений на меня глядят мертво.

В замке Северной Альгамбры каждой ночью после бала
Ты приходишь в странной тайне, маска в черном домино.
Запах мускуса и амбры в легком взмахе опахала
Навевает мне устало сны, забытые давно.

* *
*

ДВОЙНИК.

Давно в корабельном трюме
Поймала меня западня.
От ран кровавых я умер,
И мир позабыл меня.

Но где-то есть груды развалин,
Горят огни майолик.
Там бродит строг и печален
Мой старый темный двойник.

И каждый шаг его труден,
И каждый взор его жгуч...
Круг темных ненужных буден
Пронзает нежданный луч.

Туда вечерняя дева
Приходит тихой стопой.
И нежит тайной напева,
Целует скорбной мольбой.

Зовет в далекие страны
Земную жизнь полюбить...
Какие страшные раны,
Какую участь забыть!

И меркнет траурный вечер.
И ветер—демон лесной—
Поет о радостной встрече
С давно погибшей весной.

Но прежних помыслов ужас
Двойник увидев, ослеп.
Виденья прошлого, рушась,
Души наполнили склеп...

Душа от горя ослепла,
Яд смерти в сердце проник...
И бродит, бродит средь пепла
Безумный старый двойник!

* *
*

*
* *

Бескрылый демон, грешный инок,
Отравами земными пьян,
Я заблудился меж тропинок
Бесчисленных лесных полян.

В вечерний час, когда кукушки
Вещает голос у реки,
И смотритъ лес, как на опушке
В кустах мерцают светляки,

И смотрит сверху чей-то строгий,
Проникновенно звездный лик
На папортник у дороги,
На скорбно-никнущий тростник.

В тот час, когда ночным покоем
Мир одевает темнота,
Мне шепчут ангелы: „Откроем
В Рай новоявленный врата!".

В глухую ночь, когда по лесу
Бредет тяжелый страшный сон,
Ветвей косматую завесу
Окутав мглой со всех сторон,

И в дикой мрачности извилин,
Где тайна ночи свершена,
Рыдает и хохочет филин,
И с ним рыдает тишина,

Когда, в чужой стране замешкав,
Слетаются нетопыри,
Мне шепчут демоны с усмешкой:
„Вся власть твоя! Люби! Бери!

Но я не зная и не смея
Ни возвеличить, ни проклясть,
Равно приемлю мудрость змея
И закипающую страсть.

И если подвиг мне повелен
Костры вселенские зажечь,
Из темных вырву я расселин
Мою вещательную речь.

И брошу я векам свой вызов,
Теченью мировой реки,
Всю негу творческих капризов
И обольстительной тоски!..

* *
*

РАБ.

Я—раб ленивый и лукавый.
Все то, что дал мне Господин,
Мой заступ медленный и ржавый
Зарыл на дне моих глубин.

Что быть должно, что жить могло бы
И слиться с волею в одно,
Отравлено дыханьем злобы,
В немых снегах погребено.

И вот в ночи, в ночи беззвездной,
Я пресмыкаюсь скудно-нищ.
И машет Смерть киркой железной
В простор дряхлеющих кладбищ.

На мировом пустом погосте
В тиши могил я возмутил
Неуспокоенные кости
Под скрежетом жестоких пил.

И я пришел Искариотом,
Предавшим дух земной и прах,
Бросая ненависть высотам
И сея смуты в городах!..

АГАСФЕР.

(Сонет).

(Антону Монтелли).

Жил на свете рыцарь бедный...

А. Пушкин.

Я в этом мире странник безымянный,
Взыскующий, бездомный Агасфер,
Красивых снов и сказочных химер
Познавший рано ореол туманный.

Блуждающих огней восторг обманный,
Святые звуки запредельных сфер,
Всесильный Бог и мудрый Люцифер,—
В моей душе,—как отсвет солнца рдянный.

Я рыцарь бедный, строгий и простой.
И я—Титан среди людей могучий.
Но не могу Луне я крикнуть: Стой!

Иль разогнать клубящиеся тучи...
Я на стальной поверхности щита
Несу покорно свой девиз: Мечта!

НА РАСПУТЬИ.

Я снова стою на распутьи – изгнанник, бродяга и воин,—
И ветер бросает в лицо мне сыпучие пригрошни снов.
Стою в колыханьи туманов, безпечен и странно спокоен,
И слушаю в шелестах сонных знакомый властительный зов.

Овеян серебряной пылью, без шлема, без лат, без забрала,
Смотрю, как спускается вечер и вечности мост голубой.
И весть, что Судьба всеблагая тоску невозвратно забрала,
Мне ангелы с неба вещают высокой и тонкой трубой.

Пусть ночь, торжествуя, хохочет, и пляски взметенных Лемурий
В остывшей душе зажигают огни пепелящих костров,—
Я, светлому верен покою, смотрю на неистовство бури,
На корчи и боль прокаженных, на гибель несметных миров.

Не знаю, что было со мною, не знаю, где завтра я буду
И вспомню ли с грустью мятежной мелькнувшее в Лету вчера?
Склонюсь ли к подножью распятья? Прославлю молчанием Будду?
Иль, солнечный, снова приду к лучезарной обители Ра?

И будет ли храм заповедный любви небывалой построен.
И стих мой, как благовест дальний, как эхо, в веках повторен?..
Я снова стою на распутьи, все тот же бродяга и воин,
И тихие струны колышет в бездумной душе Орион.

ВЫХОД.

(Антону Монтелли).

Patet exitus.
Seneca.

Она приходит каждый вечер
Грустна, прекрасна и больна,
И тушит матовые свечи
У потемневшего окна.

Потом, раскрыв широко вежды
Властительно влекущих глаз,
Она велит мне снять одежды
Для таинства в полночный час.

Чтоб тесные расдвинуть стены,
Где мы, безвольные, живем,
Она велит раскрыть мне вены
Стилетным, тонким острием.

И, выполнив обряд раненья,
Глаза усталые смежить,
Чтоб краткий миг соединенья
Кипящей кровью совершить.

И в руку вкладывает властно
Она испытанный стилет.
В ночной тиши, в тени бесгласной
Руки чуть дрогнул силуэт...

И я склоняюсь богомольно
К ее трепещущим стопам...
Как сердцу раненому больно
И окровавленным губам!..

* * *

* *
*

У ног моих разверзлась бездна,
На дне шумит, бурлит поток.
В глухой ночи, в ночи беззвездной
Чуть виден узенький мосток.

Мне ветер бросился навстречу
И закружил и закричал,
И исступленной вещей речью
Томил, грозил и проклинал.

Губящей бездны диких криков
Грозящей смерти не боюсь!
Через поток в восторге диком
На вороном коне промчусь!

И поскачу к огням кровавым,
Оставив гибель за собой...
Во тьме горит огнями славы
Костер, зажженный мне Судьбой!

*
* *

(Антону Монтелли).

Я танцую в грязном кабаке
Танец отвратительный разврата.
И исхода нет моей тоске,
И к отрадной жизни нет возврата.

Изгибаю сладострастно стан,
Призываю приторной улыбкой ..
О как долог мерзостный канкан!
Как визжит расстроенная скрипка!

За окном томится злобой ночь,
За окном смеется злобно ветер...
О когда ж уйду отсюда прочь,
Позабуду нестерпимый вечер!..

А когда то ты меня любил...
Как несносны пристальные взгляды!..
Почему потом ты не убил!..
Эх! Забудусь водкой—кончу ядом ...

ВЕСЕННЕЕ.

Глаза блеснули, ты улыбнулся...
И засмеялось вдруг все вокруг.
Как-будто птица любви метнулась,
От взмаха крыльев—звенящий звук.

Букет фиалок тебе бросаю
На искры смеха, на блестки глаз.
Фиалки пахнут кокетством мая...
Весельем брызжет весенний час.

Пленилось солнце игрой кокетства,
Лучи полудня все горячей...
Я нынче стала твоей невестой...
Бежим за рощу! Там мой ручей!

Люблю открыто губ нежных алость,
Тебе и Солнцу себя отдам!
Давай расскажем про нашу радость
Весне, фиалкам и ручейкам!

* * *

Мне хочется кротко и ласково
Шепнуть распустившимся почкам,
Что больше не ведаю ласк его,
Что в жизни поставлена точка,

Что ночью коварной безсонница,
Кривляясь истерзанным ликом,
За мной неотступная гонится
С протяжным, немолкнущим криком,

Что резким разнузданным голосом
Она истязает, как плетью,
Что в сердце кровавые полосы,
Тоска о неверном обете.

* * *

ПРОМЕТЕЙ.

(Сонет).

Пусть ночь мертва, пусть тускло светят луны
Над крышками нахмуреннных гробов,
Но я живу, и голос вечно-юный
Звучит для вас, как вечно новый зов.

Так тихо спят дремливые лагуны...
Но слышу я—во мгле седых веков—
Стремят на нас жестокие буруны
Бушующие полчища валов.

Я в этот мир для жертвы снизошел
И мне не страшен мстительный орел,
Мне сладок яд моих великолепий.

Закованный в заржавленные цепи
Своих нечеловеческих страстей,
Я солнечный, я гордый Прометей!

* *
*

Безмолвный вечер. В полумраке синем
Я жду тебя у сквера, на углу.
Вдали горят аншлаги синем,
Пронзая сталью мглу.

А там, на черной, сумрачной дороге,
Рвут злобно тишину гудки сирен.
Я жду тебя в глухой тревоге,
Я жду тебя, Ирен!

Ты подойдешь, протянешь молча руку,
И глянут вглубь туманные зрачки,
И воскресит былую муку
Пожатие руки.

Мы через сеть ночных туманных улиц
Пройдем ко мне, в тот старый дом, Ирен,
Где блески лунные уснули,
Целуя фризы стен.

Мы в темный зал войдем неслышно рядом.
Небрежным жестом сбросивши манто,
Ты скажешь мне змеиным взглядом,
Что это все не то!

Ты подойдешь, мучительно волнуя,
Мелькнет во тьме брилльянтовая брошь.
И вдруг звериным поцелуем
К моим устам прильнешь.

И в жуткой мгле, в туманном волоконце
Возникнет смутно вдохновенный лик.
И кто-то, облеченный в Солнце,
Предстанет нам на миг.

Но в мире нам нельзя чего-то трогать,
И вечности закрыта глухо дверь.
И все, и все поглотит похоть,
И в нас проснется зверь.

И ввергнем мы в пылающие горны
Клубок нагих, сплетенных страстно тел.
И кто-то сумрачный и черный
Освятит наш удел.

Когда уйдет хмельная ночь-гетера,
Расстанемся мы молча на заре..
Я завтра жду тебя у сквера,
Я жду тебя, Ирен!

* * *

* *
*

Когда, полузакрыв ресницы,
В атласном кресле ты грустишь,
В глаза моей души глядится
Твоих очей ночная тишь.

Сурово сведенные брови
Над омутами карих глаз,
И гордый неподвижный профиль,
И скорбно никнущий анфас,—

Все дышит непонятной грустью,
Все полно голубой тоски.
И мнится мне—мы близки к устью
Своей таинственной реки.

И в сердце тихо гаснут зори
За глыбами гранитных гор.
И я в твоем незрячем взоре
Читаю смертный приговор.

Едва заметным сгибом брови
Заносишь грозно сталь меча,
И огневеют капли крови
На черных ризах палача.

И сердце мне сжимают клещи
Твоих отточенных ресниц,
И погасают в мракѣ трещин
Глухие отблески зарниц.

Но вот туман зловещей ночи,
Зловещей ночи, мрачно злой,
Твои сверкающие очи
Пронзают огненной иглой.

И я твоим безмолвным взглядом,
Как тканью шелковой овит.
Ты здесь, ты здесь, так близко—рядомъ
Неизменившая любви.

Не знаю я, что жжет мне щеки—
Твои лобзанья или взгляд,
Твой взгляд, как озеро глубокий,
Таящий смертоносный ядъ.

В твоих очах сверкают чаще
Огни рубиновых зарниц.
Я заблудился в темной чаще
Твоих трепещущих ресниц!

* *
*

ПРЕД СТАТУЕЙ БУДДЫ.

Пред статуей вечного Будды застыть в неподвижном восторге,
Без вздоха, без чувства, без мысли, скрестив утомленные руки,
Забыть о грохочущем мире, о шуме неистовых оргий,
Забыть, что не вечно молчанье, что где-то есть громкие звуки.

Склониться бездумной главою к холодным и жестким ступеням,
Взглянуть, как в уснувшее озеро в глубь просветленного духа,
И знать, что все в мире застыло, что мы ничего не изменимъ,
И слушать лишь голос молчанья, глубиной изощренного слуха.

Не помнить, не быть, не томиться, не ждать непонятного чуда,
Уйти от проклятой земли в убеленные холодом страны,
И знать, что мое небытье охраняет властительный Будда,
И знать, что великая Смерть открывает блаженство Нирванны.

Сказание о юном гуссейне и прекрасной султанше.

(Арабская легенда).

Уснула стража в саду султана.
Как вор, прокрался в гарем Гуссейн.
Все было немо... Лишь блеск фонтана
Ревнивым звоном будил бассейн.

Какие ласки в экстазах властных
Таит неверный, глухой альков!
В завесах красных, меж нег атласных,
Средь сладострастных, цветных шелков...

На дне бассейна Гуссейн с султаншей...
Всю кровь слезами смыл водоем.
Но так же сладко, как было раньше
Им под водою лежать вдвоем.

ЖРЕБИЙ.

Я жребий свой узнал заране
И вот, в рассветную пору,
Начну на жизненном экране
Свою всевластную игру.

Я сам, мечты своей крамольник,
Готовлю царственную роль,
Равно бунтующий невольник
И—негодующий король.

Всему и всем я знаю цену.
Огонь мечты о чуде ал:
Я скоро выведу на сцену
Давно забытый идеал.

И мир воскликнет: Как лучист он!..
Пойду уверенной тропой...
Но будет выход мой освитан
Непонимающей толпой.

И в гневе царственно-прекрасном
Я разбужу грозу стихий
И кину им, рабам безвластным,
Свои звенящие стихи!

Я сам, мечты своей крамольник,
Готовлю царственную роль.
Я—буйно мстительный невольник
И—повелительный король!

* *
*

Снова пылающий вечер
Мечет огни ресторана...
В сердце вскрываются раны,
Старые раны любви...

Гул неспокойного веча,
Шумной толпы на панели...
Выкрики дня отзвенели,
Улицы сумрак обвил.

Сумрак вечерних раздумий
Кроет томления стонов,
В грязных подвалах притонов
Пьяный и дикий разгул...

Алое пламя безумий,
Жар небывалой зарницы,
Грезы низринув в темницы,
Я зажигаю в мозгу.

В небе молитвенны свечи,
В небе бесгласность собора,
Только сверкающий Город
Будит пожары в крови.

Жарок пылающий вечер...
Мечут огни рестораны..
В сердце вскрываются раны,
Старые раны любви.

* * *

Danse macabre.

Они танцовали в тишине менуэты
По комнатам гулким опустевшого дома.
И к окнам сбегались глядеть силуэты,
И было им что-то странно знакомо.

Они танцовали без любви и без злости,
Не пугаясь метелей, не надеясь на лето...
И чьи-то за окнами звякали кости—
За темными окнами плясали скелеты.

А потом опускались тяжелые шторы.
Выплывали загадки позабытых поверий.
И не слышно к воротам под'ежали моторы
И они выходили через черные двери.

На далекое кладбище за безмолвным собором
Быстрокрылые птицы их во тьму уносили.
В небе полночь звенела роковым приговором
И метала каскады осеребреной пыли.

А потом, только вечер, к отдаленному дому
Снова мчались моторы и вились силуэты—
В этих залах пустынных было все им знакомо,
Там они танцовали свои менуэты...

* * *

ЛЕВА

Антон Монтелли.

Драматические этюды.

(Из цикла „Злое лоно“).

Для вас изведавших ничтожество
Земных надежд, сказал Сенека:
„Открытых выходов есть множество
Из тесной жизни человека!“

Валерий Брюсов.

Действующие лица:

Б А Н К И Р.

А Д В О К А Т—жених его дочери.

Домашний кабинет Банкира, освещенный люстрой и настольной лампой. Обстановка буржуазно-богатая. Дорогая меблировка угловатого, неизящного рисунка. Золоченные массивные рамы картин; бронзовые статуэтки большой художественной ценности. Несомненно, декоративное назначение имеют два шкапа, за стеклами которых покоятся никогда не тревожимые книги, в золотом тисненных переплетах. Окна и двери наглухо прикрыты тяжелыми портьерами. В стену вделан чудовищный несгораемый шкап. Массивная, необычайной толщины дверь его немного приоткрыта. За письменным столом, глубоко осев в удобное кресло, сидит Банкир. В просторном халате, нескладный, страдающий одышкой, преждевременно ожиревший и постаревший человек. Багровые пятна лица, короткая шея угрожают внезапной апоплексией. Сквозь золотое пенснэ он просматривает бумаги, аккуратными пачками разложенные на столе. Намеки на сердечность и добродушие тонут в дряблых болезненно оплывших чертах.

Безшумным, но решительным движением руки раздвигается дверная портьера. На темном фоне ее с внезапной отчетливостью появляется изящная фигура Адвоката, молодого человека, неопределенного возраста, изысканно и со вкусом одетого. Обыкновенно, взгляд его темных прищуренных глаз, тонкая улыбка худого, бледного лица выражают добродушную и умную иронию. Цепко захватив руками половинки портьер, он долго, с застывшей, напряженной улыбкой смотрит на Банкира. И в улыбке и в настороженной, совершенно неподвижной позе его, чувствуется затаенная, недобрая решимость. Также внезапно принимает он небрежно спокойную позу и изящный, добродушно спокойный говорит весело и громко.

А д в о к а т.

Добрый вечер!

Б а н к и р (вздрагивает, в жалком и смеш
испуге прижимается к столу. Оглянувшись, близо
и трусливо щурит глаза. По мере приближения а
ката на его лице с наивной откровенностью о
жаются: испуг, недоумение, сомнение)...

Чтоб тебя! Вот напугал!

(Встает, прижимает руку к груди у сердца)

А д в о к а т (смеясь, непринужденно).

Своему человеку, полагаю можно. Что это вы так струхну
Боязнь за сокровища свои? Эх, вы, властители мира! Эдак и мыш
ный писк доведет вас до истерики...

Б а н к и р (недовольно, не скрывая недове

Хорош писк! Орешь из-за угла. Что это ты? Зачем?

А д в о к а т.

Однако миленькие родственные отношения! Хорошие зять и те
(с театральным огорчением). Эх, спугнете вы меня, как купеческ
женишка!

Б а н к и р (садится).

Бог с тобой! Я даже рад, голубчик! Согласись, только...

А д в о к а т.

Ну извиняюсь, извиняюсь! Пришло в голову чуточку подурачи
ся. Иногда это соблазнительно. Впрочем, что же вы удивляете
Это свойственно всем особо одаренным натурам. А ведь вы име
никому не даете прохода уверениями в моей гениальности.

Б а н к и р (успокоенный, добродушно).

Шутник! Тебе все сходит с рук...

А д в о к а т (усаживаясь в кресло у сто

Ну уж и все. Не много ли это?

Б а н к и р (кряхтя усаживается).

Ну-с, зачем пожаловал?

Адвокат.

Причин много. Во-первых, несомненная к вам привязанность; во-вторых, совершенно свободный вечер; в-третьих, скорбь и уныние, нуждающиеся в утешении, и, наконец, есть даже дело.

Банкир (смеется).

Ну, насчет утешения ты адресуйся к Елене. Впрочем к твоим услугам! Могу одеть жилет. Прижмись и утешайся!

Адвокат.

Не подойдет! А настроение на редкость скверное. И Елены то нет. Кажется у Потоцких...

Банкир.

Ну что ж, посиди со стариком. Она, пожалуй, скоро вернется. (зябко потирает руки). Ну-с, чем богат? Выкладывай дело!

Адвокат (скучающе).

Дело пустяковое.. Не уйдет! Разрешите поболтать легкомысленному юноше. И сигарку дайте!

Банкир (протягивая ящик с сигарами).

Кстати, обрежь и мне. А ты, действительно, имеешь право подурачиться! Наверно, недешево достался тебе последний процесс?

Адвокат (срезывает аккуратно концы сигар; оба закуривают).

Процесс, конечно, не из легких. Изволь-ка выгородить этакое чудовище, прилизать его, приодеть в одежды белоснежные и выпустить из-за решетки. А главное, тяжело было это делать, потому что знал совершенно точно, что обеляешь опасное, злое создание, которое ни капельки не подобрело от моих христианских чувств. И может быть сейчас оно снова бродит во мраке, в жажде кровавого похмелья!

Банкир (снимая пенснэ и укладывая бумаги).

Тебе то что?

Адвокат.

В том то и дѣло, что я давно уже состою на положении почтенного, заслуженного адвоката, однако не отвык во всяком деле дока-

пываться до самой сокровенной сущности его. Подлинное лицо кли
та глубоко меня интересует. Разобраться в том, что он совершил
самом факте преступления,—это—неинтересная работа крючкотво
ца. Нет! Проникнуть в закоулки темной души, спугнуть тени з
познать загадочные эмоции, побудившие преступную руку кромса
душить и резать своего ближнего!..

Банкир (равнодушно, позевывая).

Да, это должно быть интересно. Однако, молод ты еще, несмот
на свои 38 лет! Полезно-ли все это для твоей профессии. Че
толку, что ты добьешься до сути, а процесс проиграешь?

Адвокат.

Думаю, что все-таки полезно. При некоторой, условной точ
зрения. Известно, нет худа без добра!

Банкир.

Сомневаюсь! Так разве, между прочим, как развлечение. Не ж
жу практического значения.

Адвокат.

Тогда придется отрицать полезность науки, искусства... Отр
цать право! Не признавать Ломброзо, Гюго, Достоевского, всю кр
минальную литературу, многое такое, чему вы обязаны слишком многи
хотя-бы безопасностью и спокойствием своей сытой, безмятежн
жизни.

Банкир.

Ну я ко всему этому ни горяч, ни холоден. Да и где мне! (уста
И жаль иногда! Слушаешь вас, горячую, нелепую молодежь, и чу
ствуешь недоумение, отсталость, непонимание...

Адвокат.

Вот видите! Для вас в таком случае нелогична вся сложная с
стема, создававшаяся тысячелетиями, для того, чтобы, например,
могли безбоязненно держать открытым этом соблазнительны
шкап (посмеивается).

Банкир (оглядывается со смущением
тревогой).

Кстати, надо уложить да запереть (укладывает торопливо бумаги
папку). Не верю я, особенно, этим твоим стражам!

Адвокат (громко смеется).

Погодите! Ну и трус же вы! Можно заподозрить, что вы и меня ого побаиваетесь. Уж не ограбит ли чего доброго любезный зятек?

Банкир (сконфуженно).

Бог с тобой! Что это ты мелешь?

Адвокат (насмешливо).

Ну а допустите, что это так и есть. Пришла в голову мальчи-шеская затея вас ограбить...

Банкир (откинув голову, недоуменно моргает глазами).

Адвокат (смеется).

А в самом деле! Это была бы прекрасная и очень доходная за-тея. Главное совершенно безнаказанная при наших добрых, родствен-ных отношениях. Ну кто поверит, что я—так называемое светило, знаменитость, прокрался ночью к своему будущему тестю и начисто его ограбил? А сколько у вас там? Хватит вероятно на мой век?

Банкир (с угодливостью перепуганного человека)

Что ты? Стану я держать тут ценности! Для этого, слава Богу, есть сейфы (ворошит бумаги). Вот... векселя, контракты, закладные....

Адвокат (громко смеется).

О Боже, какой вы жалкий трус! А в сущности, как легко рас-богатеть..... быстро. ... безнаказано..... Велик соблазн!

(Внезапно устремляется вперед, поднимает в уровень лица темный портсигар, кричит с деланной грозностью).

Руки вверх!

(Оба смеются долго и добродушно).

Банкир (сморкается).

Ну, голубчик, потехе час! Что это за пустяковое дело у тебя? Послушаем!

Адвокат.

Сейчас и о деле (закуривает потухшую сигару). А вот, кстати, не-заинтересное наблюдение из моей практики. Я ведь по обязанно-

сти должен был близко, совершенно интимно, знакомиться со с
ими подзащитными. С глазу на глаз, в тюремной камере, под гип
зом красивых фраз внушающего доверие допросчика, посвящали
меня в самые сокровенные тайны своих душ. А много их было у м
ня, этих клиентов! Разнообразных по возрасту, профессии социа
ному положению. И вот, представьте, я пришелъ к странному уб
дению, что ходячее мнение о зле, преступлении, в сущности, е
только вздорная условность. Даже самая тяжкая форма их, как
пример, убийство! Попросту понятия эти только—условная точка з
ния людей, живущихъ в определенных взаимоотношениях....

Банкир (разсеянно).

Ну, это не особенно ново! У твоего Достоевскаго в этом р
что-то есть.

Адвокат.

Пожалуй! Но все-таки там есть какая-то сухая, не доведен
до конца теоретичность, глуховатый намек, а я говорю об убежден
заработанном личным опытом. Раскольников погиб в теоретическ
паутине. Убийство оставалось для него все-таки преступлением, акт
отвратительным, необходимость котораго оправдывалась достижен
ми опять таки очень условно понимаемого блага. Там подоплекой
альтруизм, коммерческий расчет, количественное преимущество
добрых дел против одного злого. Нет, это не то! А я вот вынес кр
кое убеждение, что всякий субъект, понимаете, решительно всяк
поставленный в определенные жизненные рамки, въ зависимости
так называемых житейских обстоятельств, несмотря на нормальн
запасы нравственности, ума, сердечности, благоразумия соверш
преступление, как совершенно разумно обоснованную функцию.
главное неизбежную, как стихия, по велению своеобразного for
majeure'а. Мне—немного художнику—рисуется в каждом из нас мир
свернувшаяся, спящая кобра. Безмятежно дремлет она в сытых н
рах блаженного тела, но горе тому, чье благополучие омрачается ж
тейской невзгодой! Яростно бросается на душу его пробужденн
кобра и, во власти отравленной крови, он безвольно, как маниа
стряхивает с себя тягость условностей добра и зла! Всякою цен
заплатит он за священное благополучие своего „я"!

Банкир (трясясь от раздражения и смутной тревоги, безпорядочно ворошит бумаги).

Тьфу! Оставь, ты, пожалуйста, эту нудную тему! Ей богу, это же скучно!

Адвокат (задумывается, смотря на пепел сигары).

Ну, ладно. (Небольшая пауза). Ну-с, теперь можно поговорить и о деле.

(С характерной внезапностью меняет позу. Выпрямившись в кресле, опершись рукою о стол, с напряженной улыбкой говорит тихо с глубоким волнением, слегка задыхаясь).

Дело в том, дорогой тесть, что я.... вчера еще собственник ценных имений, порядочного звонкого наличия, а главное доверенный многих крупных предприятий и лиц, сегодня... (голос его невольно срывается до хрипоты) сегодня—я нищий. (Банкир с недоверием и изумлением всматривается в лицо Адвоката). Да это факт! Крах, банкротство! Лопнула затея железной дороги и отечественных курортов, а я, ведь, человек большого масштаба, уложил все до последней копеечки! (Грустно). Все это сравнительно пустяки! Можно было бы примириться; но что делать со срочными обязательствами? После завтра векселя будут опротестованы и обнаружится небольшая, даже с известной точки зрения вполне оправдываемая, неопрятность с чужими деньгами А последствия тяжкие: кара по закону и внезапно и безвозвратно погибшая карьера. (Говорит напряжено с суровой серьезностью). Этого не должно случиться!

Банкир (растерянно).

Позволь! Как же так? Что же ты придумал?

Адвокат (Приняв небрежно спокойную позу, закуривает сигару).

Банкир (недоуменно трет лоб, в тревоге ерзает в кресле).

Сколько? На какую сумму эти обязательства?

Адвокат (вяло).

Много! Такую сумму не дадут. Тем более мне, разоренному человеку...

Банкир (нетерпеливо).

Сколько все-таки?

Адвокат.

Около 300 тысяч!..

Банкир (посвистывая, медленно отк бается на спинку кресла).

О—о!

(На лице его наивно проступает насмеш презрение. Собеседник просто жалок ему. Гов небрежно).

Как же ты думаешь обойтись?

Адвокат (хмуро).

Да вот маленькая надежда на вас! На вашу доброту, на то, насдо известной степени связывает, хотя бы сейчас...

Банкир (посвистывая).

Фу-фу! Напрасно! Помилуй! Я не имею даже возможности эт сделать...

Адвокат (с искренним волнением).

Не говорю о себе! Но для нее... для Елены! Во имя ее счасть

Банкир (небрежно).

Высокий слог! Это, голубчик, хорошо и полезно для твоих п сяжных заседателей! А для меня (жест пренебрежения)— это бессодер тельная фраза! Наоборот! Если хочешь знать, наши отношения избежно должны измениться. И во имя именно этого самого счас Нет, на это не разчитывай! (Недоуменно). Почему я должен дать та нелепую сумму? Подумай только! Если бы даже имел возможност

Адвокат (сдержанно).

Послушайте!

Банкир (грубо, пренебрежительно).

Говори просто, без этих твоих адвокатских закрючек..

А д в о к а т (со спокойствием отчаяния).

Хорошо, скажу просто...

(С хищной внезапностью выпрямляется во весь рост; стройный, бледный, с выражением непреклонной решимости, сжимает в протянутой руке револьвер. Слишком убедительна внезапная угроза, почти гипнотическая сила в упорном взгляде А д в о к а т а).

Б а н к и р (в испуге приоткрыв рот, жалкий расплывшийся в кресле, поднимает умоляюще руки).

А д в о к а т (жестко, отчетливо).

Начнем говорить без профессиональных закорючек!

(Еле заметно дрожит его протянутая рука).

Вот что! С точки зрения всякого ближнего вы заслуживаете каз-
ни! Как дрянной отец, как плохой, неверный друг, просто, как тупое,
эгоистическое животное!. И если я буду вынужден нажать собачку
револьвера. то, в сущности, совершится доброе и справедливое дело.
Уж никак не будет это преступлением! Скорее актом вполне заслу-
женного возмездия... (Садится). Сидите тихо! (Тихо, угрожающе). И храни
вас Бог от криков и шумов! Я говорю серьезно...

(Б а н к и р слегка оправившись от испуга, мертвенно серый, дрожащими руками нащупывает кнопку секретного звонка, стараясь скрыть свои движения от недоброго взгляда. Конвульсивно нажимая ее, тревожно оглядывается на дверь. Настороженно вслушивается. Пауза.

А д в о к а т (спокойно закуривает сигару держа на готове револьвер).

Назвонились? Не терзайте кнопку! Никто не придет, потому что,
видите ли, в проводах маленькая неисправность.

Б а н к и р (отдергивает руку от кнопки. Ужас порабощает его истерзанную волю. Шепчет безнадежно).

Что же это, Боже мой?

Адвокат.

Мне даже известно происхождение этой маленькой неиспра сти. Совсем недавно *кто-то* осторожно, опасаясь соединить ано катодом, перерезал провод. Заметьте, в укромном месте, аккура загибая концы срезов. Не правда ли, чрезмерно осторожный посе тель? Наверное один из тех, кого укусила пробужденная кобра! как пригодилось ему положение своего человека в доме, возможно бывать во всякое время во всех его закоулках, изучить нравы обитателей, хозяев и челяди! Возможность проникнуть тайно, ни не замеченным, выждать время, когда одинокий хозяин неостор ным приказанием сам отрежет себя от всего мира, от городовы сторожей, охраняющих эту истинную твердыню для обыкновен смертных! И, ко всему этому, этот *кто-то* обезпечен прекрасным а своего рода совершенством с точки зрения юриста. Вооружен опытом сердцеведа, сыщика, теорией и практикой самых удивите ных по своей сложности преступлений, стихийно увлеченный недобрый путь, он представляет снаряд точный и ужасный, как ад машина. И этот снаряд неумолимо, как машина, уничтожит вас, е вы сами не остановите его на полпути к намеченной цели!

(Левой рукой вынимает из бокового кар бланк. Швыряет его на стол. Банкир машинально глаживает лист. Дрожащими руками ищет пэнснэ находит его, хотя оно ярко блестит стеклами и лотой оправой на темном сукне):

Подпишите, и я, не без благодарности, подарю вам жизнь!..

Банкир.

Что это? (Растерянно, близоруко моргает, стараясь прочесть). Не ви Что же это?

Адвокат (небрежно):

Да пэнснэ оденьте, почтеннейший! Вон оно! Самый обыкнов ный вексельный бланк на вышеуказанную сумму. Операция обдум ная и хорошо подготовленная! Никому не странно будет, что з получил авансом такую сумму от доброго тестя.. Что ж, к тому если грабить, так грабить!

Банкир (с дрожью).

На... 300.. тысяч! Да ты с ума сошел?

А д в о к а т (спокойно).

Именно 300 тысяч... По совести говоря, оценка непомерная! Вы ого безусловно не стоите...

Б а н к и р (отодвигая бланк):

Послушайте! Это же невозможно! Я не могу! Не имею возмож-ости! Я готов помочь, но...

А д в о к а т (серьезно, внушительно):

Берите перо! Пишите!

Б а н к и р (с внезапной яростью).

А если я не подпишу? Ты все равно пропадешь! Мерзавец! Под-ец! Мошенник!

А д в о к а т (властно, угрожающе насторожившись):

Тише!

(Убедителен тон его тихого, внятного голоса, зловеща поразительная бледность).

Если ты не подпишешь, то умрешь! Я знаю сколько и чего имен-о у тебя там... (Головой указывает на шкап). Но видишь ли, это долгая, томительная работа разбираться в твоих сериях, акциях, выбирать о, что может безопасно пригодиться Конечно, я это сделаю, но олько в крайнем случае! Понимаешь? (Фамильярно). Ну, садись, старина!

Б а н к и р (покорный, расплывшийся, жалкий и плачущий, берет перо. Дрожащей рукой с трудом находит чернильницу. С невнятным хриплым стоном подписывает бланк).

А д в о к а т (давит пресс-бюваром бланк. Осматривает подпись).

Хорошо, что у вас и в нормальных условиях какие то дьяволь-кие каракули. Сойдет! (Складывает бланк, прячет в боковой карман).

Б а н к и р (отупело осевший, в кресло, внезапно вскакивает. Хрипит в яростном волнении).

Вор!.. Вор!.. Ты... Ты...

(Сделав шаг, задыхается в судороге внезапного припадка. Взмахнув нелепо руками, замертво валится с ног. Замирает уродливой глыбой, раскинув безжиз

ненно ноги и руки, уткнувшись лицом в пуш
ковер. Адвокат, отступив назад, не сводит при
ного взгляда с Банкира. Нерешительно опускает
колени. Слушает, прижавшись к спине лежа
Затем встает, машинально встряхивает пыль и
с колен. Что-то напряженно обдумывая, стоит
в сомнении и нерешимости. Усилием мощной во
характерной внезапностью приходит в себя,
рожно оглядывается, внимательно осматривает
нату. Подойдя к столу, бросает окурки сигар
пельницу, старательно сдувает с него пепел и
дывает на место брошенное перо. Снова крас
стройный и совершенно спокойный, идет к две
на мгновенье застыв на темном фоне порт
бесшумно исчезает за нею).

ЗАНАВЕС.

II.

ПРЕДТЕЧА.

Действующие лица:

ПРЕЯНОВ—зоолог, ученый и общественный деятель; умеренный социалист.

УРЬЯНОВ—редактор подпольной газеты „Трибун", лидер социалистической партии крайнего левого течения.

МАЙЯ—орангутанг.

Кабинет ученого. Вдоль стен шкапы с книгами, приборами, чучелами птиц и животных. С потолка свешиваются на подвесках скелеты земноводных. В углу зловеще усмехается человеческий скелет. Посреди комнаты, неподалеку от входной двери, небольшой накрытый чистой скатертью столик. На нем бутылки и стаканы. У авансцены два стола. Один из них обыкновенный рабочий письменный стол, уставленный необходимыми принадлежностями и книгами. На одном углу его у настольной лампы сложено несколько звериных и человеческих черепов. Другой стол поражает своей необычайно прочной конструкцией. Огромный, толстоногий, с таким же массивным стулом, прислоненным к нему, он побуждает воображение создать гиганта, с удобством осевшего в его чудовищные формы. На столе большая рабочая лампа с зеленным абажуром, необычайно больших размеров: чернильница, ручка, карандаши и перья, пачка чистых и исписанных листов бумаги, длинного газетного размера и несколько книг в тяжелых деревянных переплетах. Справа, прямо на стене, навешена плотная парусиновая занавесь, прикрывающая отверстие в стене. Заложив руки за спину, быстро ходит по комнате зоолог Преянов — малорослый, пожилой уже человек, с плешью в седых волосах, с серыми от проседи усами и бородой. Из-за очков близоруко щурятся его умные, недобрые глаза. На черном фоне рабочей блузы, перепоясанной ременным кушаком, резко поблескивает лакированная кобура револьвера, странно негармонирующая с безобидно-мирной наружностью ученого. Смотрит на часы,

что-то бормоча про себя подходит к стене и, де
толстый шнур, отодвигает занавесь. За нею от
вается надежная железная решетка из вертикал
прутьев, с массивным поперечным засовом и от
ным висячим замком. Привязывает шнур к стен
гвоздю; близоруко взглядывает за решетку).

Преянов (ласково).

Майя! Майя, ты спишь?

(Из-за решетки слышно глухое ворчание).

Преянов.

А, ты все еще сердишься! И напрасно!

(Отходит от решетки, говорит громко, ходя
перек кабинета).

Ты сама виновата, что я вынужден был, понимаешь, вынуж
был наказать тебя! И это после стольких лет упорного воспитате
наго труда! Что? (прислушивается). Нет, нет, ты не оправдывайся! У
бя было достаточно времени обдумать свой проступок. Давно уже
как давно ты знаешь, что такое собственность, что такое о
щенная собственность! Не хочешь ли начать сначала, может бы
(За решеткой жалобное ворчание). Ага! То-то! (Подходит к столу, перелистыв
настольный календарь. Продолжает ходить). Майя! А какое сегодня чис
(Прислушивается). Так! Ну а не припомнишь ли ты, что случилось п
надцать лет тому назад? В этот день? (Ворчание. Преянов смеется). А
расскажу тебе. Это полезно знать той, которая удостоилась войти
семью мудрого человечества. Особенно той, которая об этом час
забывает. Хочешь послушать? Тебе это полезно напомнить! (Прислу
вается). Не помнишь? А было вот что. Пятнадцать лет тому назад
этот же день, там далеко, в тропической Суматре увидел я малень
кую обезьянку. Тупое животное жалко стенало и давилось, от жа
ности, набив полный рот орехами. Злобно царапалась, когда я хот
приласкать ее—осиротелую обезьянку. (Глухое плачущее ворчание из-за
шетки). А, ты все-таки кое-что помнишь! Ну что-же я был принужд
убить твою мать. Подумай, ведь она была немногим больше те
(Ворчание). Ну с этим ты кажется могла бы уже примириться. Тем б
лее ты, Майя! И вот с трудом и величайшими опасностями, тряся
от жестокой лихорадки, вырвался я из этого тропического ада, с м
ленькой, глупой обезьянкой на руках. И с того времени я заменил
мать! Поил ее молоком, доставал для нее любимые орехи. Здесь,
городом, в уединенном доме, 15 лет изо дня в день поучал я ее
ликой человеческой мудрости. Помощью сложных приборов, утонч

ого метода научил ее членораздельной речи, звериную, могучую руку риучил держать нежное перо, пробудил в ней инстинкты художни-а и ученого. Вспомни, сколько это стоило тебе и мне! (Ворчание).

Ты изучила язык! Книга стала для тебя необходимой потребно-тью. Твое мышление подчинено законам логики. А главное, я вдох-ул в тебя душу! Дал тебе то, чего лишила тебя созидающая Сила! эта душа облагорожена чувством религиозности, изгнавшим из тебя жестокие и темные инстинкты зверя. О, мало того! Ты знаешь вели-ие законы общежития, железный закон эволюции, правящий чело-еческим миром—путь постепенного совершенствования! И знаешь, Майя, нас смотрящих на мир сквозь призму научного анализа, назы-ают жалкими и вредными утопистами! Нас отбрасывают с презре-ием от строительства жизни, ибо мы не верим в прочность того, то хочет завоевать на час наглая революция! Нет! Ослепительной оскоши халифата на час мы предпочитаем справедливый, может ыть и не веселый, но прочный государственный строй! Да, мы сог-ашаемся претерпеть сейчас многое во имя великой будущности!

(За решеткой долгое рычание. Преянов остановившись прислушивается. Смеется)

Но эта будущность для тебя настала! Что же, не отрицаю, тяже-о было тебе, бедная Майя! Впрочем, согласись, что больше оттого, то тебе не везло просто как неудачливой личности. В этом случае олько религия могла утешить тебя. Вспомни! С какими трудностями остал я тебе мужа и друга. Чем же я виноват, что он заболел ча-откой там еще, в зверинце? И что же хорошего вышло из твоего рака? Сколько натерпелась ты оттого, что он так и остался озлоб-енным и грубым зверем! А маленький Экко, твой сын...

(За решеткой плачущее стонание).

Конечно! И жестоко бил! Но ты знаешь, к какой цели стремился , скрепя сердце, прибегая к плети и наказаниям...

(Глухое недовольное ворчание).

Пожалуй, да! Рабство и неволя! Но, помилуй, разве для вас была огда возможна свобода? Все-таки вы были не более, как опасные вери. И я помнил это все эти годы. И день и ночь не разлучался с той штукой! (хлопает ладонью по кобуре). И, знаешь, горько, очень горь-о мне было ударить тебя как раз накануне великого решения (оста-авливается перед решеткой). Хочешь узнать какого?

(За решеткой ворчание).

Преянов (торжественно).

Майя! Сегодня день твоего юбилея. Пятнадцатилетняя годов нашей дружбы. И во имя ее я решил дать тебе то, что ты з живаешь. Как равный равному протянуть тебе руку! Признать в своего брата и соратника, ибо нам предстоит борьба! Необыча борьба! Отныне не будешь ты томиться за этой решеткой!

(За решеткой радостный визг).

Да, ты получишь свободу! Но это, Майя, разумно понима свобода. Она в ежевых рукавицах разума и зрелой логики. Нет анархическая, разрушительная свобода демагогов из подполья! М о, много еще испытаний предстоит тебе на пути к абсолютному бождению! К этому мы—эволюционисты ведем человечество! (Ос вается, говорит торжественно). Мало того! К великим завоеваниям мы ведем и твоих братьев, томящихся там, в душных тропиках, в рином образе, безсловесных, рвущих пищу изо-рта другъ у др И ты, Майя, будешь Предтечей новой эры в их диком, зверином не! Ты понесешь им свет просвещения, напоишь их из вели источника знания, утешишь их темные, скорбные души экст религиозности! Ты слышишь, Майя?

(Ворчание).

Да, ты вернешься туда, откуда я взял тебя маленькой, зло глупой обезьяной. Но не такой ты вернешься туда! Темень джун осветится факелом, поднятым твоею рукой. И мы жалкие утопи разрешим проблему очеловечения твоих угнетенных братьев! Мы правим ошибку Миросоздателя, оторгнувшего их от радостей со тельной жизни!

Да, Майя, скоро ты вернешся в родные чащи. Свободной, ра ной и просвещенной ты сойдешь на землю своих отцов и братье

(Радостный визг за решеткой).

Миссионерствуй! Учи! Исцеляй темные души! (Взволнованный, бы ходит по комнате). А сегодня, Майя, ты выдержишь последнее исп ние. Впервые, как равная, ты войдешь, в общество людей. Пусть эти скептики, воочию увидят безплодность наших утопических ли! (Останавлиется. Говорит ласково). Ну, Майя, протяни руку! Пусть будет нашей последней ссорой.

(За решеткой смутно выростает чудови образ. Между прутьев протягивается огромная,

сатая, нечеловечья рука, с бледной кожей на ладони. Преянов пожимает ее с чувством. Из за решетки слышно глухое, скрипящее, но раздельное рычание. Наклонившись, зоолог внимательно осматривает протянутую руку).

Ах, бедная! Обожди, я сейчас перевяжу ее!

(Подходит к столу, вынимает корпию и бинт. Умело перевязывает кисть покорно протянутой руки).

Ну, вот! Нет, с сегодняшняго дня я не ударю тебя! Вот, видишь!

(Берет со стола огромную плеть и прячет ее в стол).

Майя, ты видишь? Я снимаю даже это!

(Растегивает кушак, снимает кобуду, кладет ее в ящик стола. Захлопывает его и закрывает на замок).

Отныне я верю, что ты никогда не преступишь твердо усвоенных заповедей! Нет, я верю, что ты уже не глупая обезьяна! Разум и воля не позволят больше властвовать в тебе темным инстинктам зверя. Да, сегодня, придут они, эти жалкие смельчаки и невежды, дерзающие идти против течения, против неумолимого закона эволюции! Пусть же видят они плод упорства, терпения и разумной дисциплины! Майя, ты не осрамишь меня, твоего Отца и Учителя?

(За решеткой глухое бормотание).

Отдохни, если хочешь! Хочешь книгу? (Передает со стола толстую книгу). Почитай покамест. Они скоро прийдут. (Ворчание). Как хочешь! Оставайся, как есть. Впрочем, одень лучше рабочую блузу. (Задергивает занавес). Поторопись, Майя! (В дверь стучат. Громкий резкий голос): Можно?

Преянов:

Войдите!

(Входит Урьянов—пожилой, средней полноты, малорослый мужчина. Некрасивое, но умное и смелое лицо. Почти совершенно лыс, с маленькой редкой монгольской бородкой. Упорный, не мигающий взгляд темных, узких глаз. Сильная воля в складках сжатаго рта. Держится с естественной независимостью. Груб и властен его резкий, звонкий голос, привыкший покорять тысячеголовую аудиторию. Одет просто и небрежно).

Преянов (любезно).

Милости просим! А где же Бурдин, Волков?

Урьянов (подходя).

Не придут. Заняты...

Преянов (с легким смущением).

Вот как! Значит...

Урьянов (улыбаясь).

Да! Значит! С глазу на глаз!.. Один на один...

Преянов (усмехаясь пожимает руку)

Не совсем! Нас двое крепко спаянных единомышленников...

Урьянов.

О, что это для дерзающих восстать против миллионов!

Преянов.

Не учли вы вражеских сил! К нам примкнут новые миллионы бесчисленные полчища!

Урьянов (недоверчиво).

Слова, как всегда! Аргументы. Только им и голым фактам привыкли мы верить...

Преянов (отдергивает занавес).

Вот наш аргумент! (Кричит за решетку). Майя, ты готова?

(Гремя замком и засовом, открывает решетку. Из-за нее косолапо, неуклюже перебирая ногами, выходит чудовищный орангутанг. Комическое впечатление производит огромный зверь, одетый в широкие брюки и темную блузу, но страх и недоверие пробуждает он старательной сдержанностью своих движений, затаив в длинных, как плети, лапах грозную силу мускулов и мышц. Понурив голову, глядя исподлобья бегающими, недобрыми глазами, скрежещет человеческим хрипом невнятно, но раздельно).

Майя (протягивая лапу).

Здравствуйте!

Урьянов (отступив назад, в смятени

Что это? Кто это?

Преянов (смеясь).

Бедная Майя! Не правда ли, ты обижена? Коллега, не будьте невежей! Пожмите руку брату, бестрепетно пожмите ее! Руку homo sapiens'а человека мудрого!

Урьянов (оправившись от смущения, смело пожимает обезьянью лапу).

Майя.

Я понимаю его! Как должно быть странно ему!

Урьянов (тихо)

Да, странно! Сознаюсь, это—чудо! Неприятное сознание для материалиста! (Всматривается.) Вы меня мистифицируете! это гримм!

Майя (идет к столу. Садится).

О нет! Я не то, что вы видите.

Урьянов (подходит к ней, пристально всматривается).

Поразительно!..

Майя (протягивая со стола книги).

А это мои труды...

Урьянов (недоверчиво просматривая толстый том).

Труды?

Майя.

Да труды по философии, религии, естествознанию, социологии...

Урьянов (пораженный, недоверчиво).

Что это за иероглифы?

Майя.

Это—алфавит и орфография языка моих братьев!

Урьянов (отсупает в изумлении).

О-о! Действительно, это невероятно. (Садится).

Преянов (торжествующе).

Ну-с, как вам понравится этот аргумент?

Урьянов (молчит задумавшись).

Преянов.

Вот они—полчища моих соратников! Она могла бы рассказ вам долгий и тяжелый путь своего развития, вырвавший ее из з риного плена. Не правда-ли, Майя?

Майя (молча кивает головой).

Преянов (восторженно).

Вот истинная победа! Не результат насилия, грубого захват точно математически расчитанной работы! И этого достигъ я—у пист и мечтатель, изгнанный из вашего буйного лагеря. Майя—соз тельная, глубоко интеллигентная личность. Мало того: она—могу орудие для достижения необычайных целей! Миллионы ея зоологи ских братьев приобщатся к высокой духовной жизни, пройдут ступеням прогресса, через все этапы великой эволюции, шаг шагом, через баррикады и паутину религиозных и социальных пред судков, покамест опыт не заставит их приступить к истинному циальному строительству!

Урьянов (насмешливо).

Вот как!

Преянов (возбуждено).

Да! скоро уйдем мы с нею в девственные, тропические чащи, н забытым во мраке полулюдям идеи государственности, общественн блага, понятия о свободной, равной и братской личности.

Урьянов (насмешливо).

Вот оно что! Не как нибудь, а с пунктуальной программой, с той и непогрешимой эволюции! Философии безконечного терпения

Преянов.

Да! Хотя бы и так! Наш путь—это путь терпения и компром

ов! Предрассудки, религия, омертвелая философия—только орудия. Цель оправдывает средства!

Урьянов (тихо, с чувством).

Бедные звери! Ах, бедные звери! Значит и им предстоит этот путь, которым ты завоевала свое право, Майя! Путь корпии и повязок!

Майя (в упор с глубоким вниманием всматривается в лицо Урьянова. Машинально трогает перевязанную лапу).

Преянов.

Майя! Ты слишишь эти слова?

Майя (напряженно).

Слова? Слова я слышала, но не слышала голоса...

Преянов (насмешливо).

Что же! Им только и осталось в удел демагогия, фальшь сочувствия, дрожащий от сожаления голос!

Урьянов (вставая, говорит громко с волнением).

О, это опасная затея! Что понесете вы им, бедным зверям? Право с оглядкой воровать никому не принадлежащие плоды. Право строить темные храмы и капища! Замкнете их смелую, девственную мысль в подземелья прописной морали! Заставите гнусавить на коленях молитвы за несовершенные грехи и преступления! Построите стены и заборы, в которых навеки замкнетея проклятое понятие о собственности! И оклеите их плакатами о дешевом, общедоступном молоке для голодающих детенышей! Но для тех только, кто честно по-рабски отработает свой урок, на благо и счастье жиреющих бездельников!..

Преянов (насмешливо).

Слушай, Майя! Внимательно слушай!

Урьянов.

И в заключение вы привьете им бациллу безконечного терпения —великий закон эволюции. Нет, Майя, он поработил тебя! Ты—раба! Стряхни с себя тенета, которыми он оплел тебя! Не отравляй бед-

ных братьев своих! Пусть лучше останутся они в образе свобо
и счастливого зверя!

Преянов (легкой тревогой).

Безсмысленный призыв! И безнадежный....

Урьянов (с пафосом).

Сплоти их, братьев твоих! Вооружи их не жалкой догмой
убогой логикой рабов! Другие лозунги дай им! Благо всех и сво
Сейчас же! Смелым прыжком, через рвы тысячелетий! Не надо
гнилого наследия, в рабстве порожденных культур! Храмов и по
щающих законов! Истлевших, давно отживших идей!

Майя (быстро ковыляя, тяжело дыша,
навливается у решетки. Яростно потрясает ее
связно бормоча угрозы. Преянов и Урьян
тревоге отшатываются от раздраженнаго зверя).

Преянов (сообразив что-то. Удов
рено).

Ага! Понимаю! Вот видите! Это протест верного соратника!
во, Майя!

Майя (оглянувшись злобно смотрит на

Преянов.

Нет, не переубедить ее жалкой и дешевой фразой!

(Подходит к маленькому столику. Наливает
калы).

Отпразднуем же скромный триумф и юбилей! Выпьем!

(Урьянов подходит и берет бокал).

А ты, Майя?

Майя (угрюмо).

Я не хочу...

Преянов.

А я пью Пью молча, ибо безмолвна и очевидна моя победа!

Урьянов (подняв бокал, ласково).

Майя, подойди к нам. Выслушай мое теплое, задушевное сло

Майя (послушно подходит).

Урьянов (с чувством).

Майя, приветствую тебя, как брат и друг! (Тепло пожимает звериную лапу). Одно только унеси туда в родную чащу. Все равны и никто не властен над свободною и мирною личностью. Уважение друг к другу и презрение и безпощадность тому, кто стремится поработить силу твоих мышц и разума. Помни, в лесах и пастбищах будущего государства не должно быть ни стен, ни заборов, утверждающих собственность! Как земля и воздух—они ничьи и всех! Опомнись, Майя! Девственные дебри ты опоганишь полицейскими окриками, гнусавым пением лукавых ханжей и тунеядцев, породишь касты рабов и шпионов! Жирных браминов будешь холить и нежить на согбенных спинах твоих братьев!

Преянов (насмешливо).

Разве ты не знаешь этого, Майя?

Майя (угрюмо).

Знать еще не значит понимать... Я обдумаю.. Я буду долго думать (отходит, напряженно и тревожно задумавшись).

Преянов.

Да, обдумай! Припомни, что я говорил тебе долгими ночами...

Урьянов (иронически).

Однако, не твердая убежденность у Предтечи!..

Преянов (недовольно).

О, нет! Она просто смущена... Помилуйте, первый раз в обществе...

Урьянов (сухо).

Когда вы едете?

Преянов.

Скоро, на днях...

Урьянов (тихо, серьезно).

Не желаю я вам успеха!

Преянов (смется).

Что мне станется от ваших подпольных пожеланий?

У р ь я н о в (твердо).

Я и не верю в ваш успех! Я присмотрелся. Не надежен Предтеча! (Пожимает руку). Прощайте! Прощай, Майя!

(Подходит к ней, тепло жмет ее руку).

Майя жа ло бн (о).

Прощайте! Я не забуду...

(В то время когда Урьянов повернувшись к двери, обезьяна на четвереньках плача и бес бормоча плетется за ним. Трогательна вне скорбь огромного зверя. Оглянувшись, пора Урьянов возвращается к Майе; положив руку склоненную голову, говорит тихо, с искренны жалением).

У р ь я н о в.

Прощай, Майя! Прощай Предтеча! Прощай, бедный зверь!

(Уходит. Майя застывает в скорбной по дверей).

П р е я н о в (Недовольно отвернувшись, ся за стол, говорит резко).

Майя! Как тебе не стыдно? Пасть так низко, угодливо и п кем?.. Плохо однако ты выдержала экзамен!

(В это время Майя подойдя к столику стрым, внезапным, чисто звериным нетерпением тывает бутылку; запрокинув голову, пьет прямо из горлышка. Затем допивает вино в ста Неосторожно роняет стакан. Слыша звон расб стекла, Преянов в тревоге оглядывается, при на стуле).

П р е я н о в (испуганно).

Майя! Что ты?

М а й я (покачиваясь на четвереньках зл в упор смотрит на него).

Сиди!..

(Подобие улыбки коверкает ея звериную м

Покорность, рабство, плети и пули! И еще сколько ты гот мне впереди?

(Встает, покачиваясь медленно подходит к Преянову. На ее морде открытая и смелая злоба).

Сиди! Ты годами морил меня там! Отравил меня ложью! Бил летью! И говорил, без конца! Негодяй!

(В ужасе приседает Преянов. Орангутанг, бесжалостно сжав его огромными клещами рук, бросает уже бесжизненного на пол).

Вот, что кипело во мне! Изо-дня в день! Из ночи в ночь! Месть! есть!

(Проснувшийся зверь бросается на лежащее тело, терзает его с хриплым, торжествующим скрежетом. В бешенстве громадная обезьяна разрушает и опрокидывает столы и стулья. Звенят стекла опрокинутых шкапов, летят перья растерзанных чучел, разсыпаются кости скелетов и глухо, как гнилые орехи, трещат, брошенные железной лапой о пол, черепа людей и животных).

ЗАНАВЕС.

III.

ПОСЛАННИК НЕБА.

Действующие лица.

ЕВГЕНИЙ СОМОВ—знаменитый драматург.

МОРТ—друг его—известный литературный критик.

ДРУГ ЕВГЕНИЯ—обыкновенный, светский молодой человек.

Кабинет Драматурга. Стены с прорезами закрытых темными шторами окон, уставлены книжными шкапами. Над ними белеют бюсты гениев искусства и науки. В тишине четко слышны удары часов; циферблат их отчетливо виден в простенке между шкапами. Массивный письменный стол, неряшливо загроможденный рукописями, книгами и письменными приборами. На нем горит причудливой формы лампа. Яркий свет ее смягчается зеленым абажуром, оставляющем в полумраке углы и потолок кабинета. У письменного стола сидит Драматург. Истощенный, болезненный, и устало скучающий вид не дает возможности определить его возраст. В ярком освещении отчетливо видно его лицо, с дряблой неестественно бледной кожей, с глазами оттененными синевой. С тупым безразличием смотрит на исписанный лист бумаги, разсматривает на свет безкровныя руки. С внезапной решимостью комкает рукопись, резким движением выдвигает ящик стола, вынимает никелированный шприц и склянку прозрачной жидкости. Засучив рукав, умело делает укол в оголенную руку, пестрящую мелкими квадратиками темного пластыря. Видны нездоровые, чрезмерно вздутые вены на мертвенно белой коже; чувствуется медленный пульс больной и отравленной крови. Внезапно раздается стук в дверь. Драматург тревожно обернувшись, не глядя бросает в ящик шприц и склянку; с шумом задвигает ящик. Кто то медленно, настойчиво продолжает стучать в дверь).

Драматург (кричит раздражен

Кто там? Входите же!

(В раме открывшейся двери смутно виде кий, необычайно худой силуэт мужчины. б только глубокий вырез жилета и пятно его даже в полумраке заметного от чрезмерной ис ности. Опираясь на палку, мерно постукива посетитель неуверенно продвигается к столу. рит глухо, медлительно, но ясно).

Морт.

И ты, Брут! Вероятно я в самом деле основательно измени

Драматург (изумленно, но с ненной радостью).

Морт! (Заботливо поддерживает неуверенно усаживающегося посетителя) кровенно скажу—тебя трудно узнать! Разве по голосу...

(В лице Морта, ярко освещенном лампой, то мертвенное, разлагающееся. Безволосое, с рез пятнами провалов, начисто-обритое,—оно похо череп. Огромныя тусклые глаза жутко смотр глубоких впадин. По уныло покатым плечам за худоба его тела. Складки безобразят отлично тый фрак, непомерно выпячивается крахма рубаха. Физическое безсилие в согбенной, не ственной позе, искривившегося тела. Рука его скелета безсильно брошенная на стол, в мом волнения, гулко постукивает суставами).

Драматург (смущенно, садясь за с

Да, тебя не узнаешь, дружище! (меняя тон). Ты не откажеш надеюсь, от рюмочки Шерри? (протягивает сигары).

Морт (с усмешкой).

Ни того ни другого! Нам—покойникам—этого не полагается.

Драматург (принужденно смеясь).

Бог с тобой! Что за ужасы!.. С твоим то здоровьем не совлад с такими пустяками? Обыкновенная мнительность!..

Морт.

Ну, ну!.. Оставь!.. Тебе как то не подходит лицемерие. И старайся ублажать... (безнадежно машет рукой).

Драматург (сочувственно).

Воображаю, бедняга, как тебя истерзали...

Морт.

Да, скучноваты эти слезы братьев во Христе! Но они попросту не успели; я ведь прямохонько к тебе. На минутку заезжал в редакцию (постукивает пальцами). А к тебе имею прямую и, если хочешь, необычайную миссию.

Драматург (озабоченно).

Вот как! Дружище, но как же я тебя устрою? (оглядывается). Сюда разве... можно втащить диван...

Морт (смеется).

Что ты? У меня такое приятное местечко на погосте...

Драматург (с легким раздражением).

Сделай одолжение и не говори плоскостей! Не скрою, мне почему-то неприятны эти намеки.

Морт (значительно).

Я и позабыл, что нервы твои нуждаются в тщательном и специальном уходе...

Драматург (уклончиво).

Да, обыкновенно, нервы мои—дрянь, но, ведь, в сущности, это орудие моего труда...

Морт (иронически).

И чем они дряннее, тем это лучше для твоих творческих достижений? (Резко). Очевидная нелепость!..

Драматург.

Не противоречишь ли ты самому себе? Припомни свои дифирамбы неистовству вымысла, причудливой образности ..

Морт.

Да, да! Если они являются продуктом интуиции, чистого творчества. Извини, голубчик, я никогда не хвалил пьянствующих в литературе!..

(Действие наркоза заметно на порозовевшем лице Драматурга).

Драматург.

Кстати, ты вероятно так и не видел еще моей последней пь

Морт.

Представь себе видел. И к нам в горы, в глухой санаторий ди тилась твоя слава! И в отличном исполнении... по счастливой сл ности. (Постукивает по столу рукою).

Драматург (с легкой тревогой).

Ну-с? Что же ты скажешь?

Морт (тихо).

Представь, жалею, что видел!..

Драматург (с недоумением, трев

Почему? Ты находишь, что пьеса плоха?

Морт (жестко).

Да, она плоха! Даже больше, безнадежно плоха! Это мое мне

(Молчание. Драматург встает, подхо столику, жадно пьет воду).

Морт.

И я, в сущности, покойник уже, притащился сказать тебе, ты умираешь. Приплелся со спокойного, горного кладбища, чт оказать тебе настоящую, нелицемерную, дружескую услугу. И помни, Евгений, что сделал я это по твоей же просьбе...

Драматург (с горечью).

И это твоя необычайная миссия! (Пристально всматривается в лицо Мо А знаешь, ты в самом деле какой то зловещий!.. (Саркастически). сем к лицу тебе обязанности Мортуса (Смеется). Или для какой ни роли вестника смерти! И гримма не нужно!..

Морт (с холодной серьезностью).

Да, Евгений, это именно и была моя миссия! Прийти и пря глазу на глаз сказать тебе:—Погас твой талант! (Мягко). Тяжелая, ведь, истинно-дружеская услуга!

Драматург (растерянно блуждая по комнате, подходит к столу, нервно теребит редкие волосы, садится).

Нет... нет! Я не могу обижаться. Тут что то есть... (Задыхается от волнения). Но ты должен об'яснить, доказать! Для меня твой авторитет непоколебим! Докажи, и я... я поверю...

Морт.

Разве это не доказательство, что я, именно я, терпеливо сидел до последнего акта и скучал, томительно скучал! Чего уже лучше!

Драматург (в напряженной задумчивости).

Откровенность за откровенность! А не об'яснишь ли ты свое мнение потерей кое чего в самом себе? Может быть Ты увял, утратил способность точного и верного определения? Не твой ли талант умер?

Морт.

Ну, в этом отношении я умер давно! Вот уже, год как я не пишу для публики.

Драматург (оживляясь).

Значит ты признаешь свое оскудение?

Морт (твердо):

Нет, Евгений! От меня потребовалось бы для этого меньше чем от тебя, а ты знаешь, что я не оскудел духом! Единственно с тобой делился я своими мыслями и настроениями. Перечитай мои письма!

Драматург (подавленно).

Нет, нет, что ты! (огорченно). Я должен тебе верить! Что же, ты ввел меня в храм, ты же и изгоняешь! (Встает, быстро ходит). Неужели же? А успех, а сборы? Что же это по твоему?

Морт.

С каких это пор тебя убеждают подобные лавры? Газетная, рецензентская слава!

(Костлявой рукой указывает на бюсты. Значительно).

Евгений, спроси их!

Драматург (машинально повин... рассеянно смотрит на могучие головы гениев).

Да, их молчание и мне кажется знаменательным!

(Ослабело действие наркоза. Угасает воля Д... матурга. Садится в кресло. На лице его тупое ...чаяние. Морт постукивает костяшками руки).

Морт (сочувственно).

Приуныл, бедняга! К лицу ли это такому заядлому мистику ... ты? Что же тебя удивляет? Огорчение твое понятно, но, согласи... что несчастье не могло же быть для тебя полной неожиданность...

Драматург (с трудом).

Но зачем же эта жестокая, безнадежная формула? Умер! Поче... не замер? Вещь может быть плохой, но ведь существует трафар... ное правило об исключении! Случайные привходящие обстоятельст... глубоко интимные могут исказить мое творение. Ведь ты же знаеш... какой я заблудыга и грешник!

Морт (убежденно).

Нет, Евгений, вещь твоя не потому плоха! Припомни этапы сво... славы! Ты царствовал в среде избранников, истинных эстетов и вдруг... этот „успех", исступленный рев райка, дешевка газетных восхвалени... Бедняга, ты и не заметил, кто тебя понес на руках! А потом, отку... эта тяжелая, канцелярская фраза, фальшь настроений, затасканн... психология и ложь, щедро приправленная пошлостью? И только бле... ный намек на талантливость—скелет твоей пьесы—замысел ея, к... всегда простой и ясный. Но в какую уродливо-оплывшую глыбу о... лил ты его! Это ли не доказательство твоего безсилия? (Меняя то... Что-ж ты унываешь! Бессмертие за тобой! Твои „Пророки", Иску... ление" воистину бессмертны!

Драматург (с горькой иронией).

Что это? Утешение? Благодарю!

Морт.

Ну, будь мужественнее! Ты проявляешь неумеренную слабост... духа!

Драматург (потерянно).

Что ж по твоему остается? Ведь ты можешь, надеюсь, и посоветовать. Должен же быть какой нибудь выход?

(Морт молча одергивает рукав, обнажая руку до локтя. В широкой белой манжете жутко желтеет почти безтелесная кость. Правой рукой четко постукивает по столу. Усмехаясь смотрит в упор на Драматурга. В томящей тишине громко бьют часы. С недоумением и ужасом глядит Драматург на оголенную руку. Говорит тихо).

На что ты намекаешь?

Морт (открывая ящик стола).

Пока на это. Не стесняйся, Евгений! Я вижу, ты порядком ослабел и нуждаешься в подкреплении. .

Драматург (тихо, робко).

Послушай, что же это? Ты подсматривал? Об этом никто не знал! Даже ты!

Морт (со смехом).

Ну, слава Богу, ты опять хоть немножко похож на себя! Вспомни ка свои мистические ужасы. И ты бледнеешь от такой крошечной тайны! Нет, успокойся, я еще не настолько пал, чтобы заглядывать в замочную скважину. Советую только не греметь так перепуганно стеклом и ящиками, а главное (откидывается на спинку кресла) не терять таланта!..

Драматург (тоскливо, с нетерпением маниака глядит в открытый ящик. Дрожащими руками вынимает кокаин и шприц. Криво, напряженно усмехается).

Да, позволь! Спасибо... дружище!

(Поспешно, но любовно и аккуратно приготовляет шприц, обнажает руку, делает укол. Благотворное действие наркоза со странной отчетливостью отражается на его лице).

Морт (брезгливо).

А противно смотреть на эту процедуру... Пропащий ты человек! Пластырь наклей-же!

Драматург (весело).

Ах, ты не поймешь в чем тут дело! (Наклеивает пластырь на укола, оправляет рукав. Довольный откидывается на спинку кресла). Отврати но, но что это за мелочь в сравнении с наградой! Откуда твер и ясность мысли, изощренность воображения, ощущение пар И это не за счет потери самого себя... это не пьянство, не уби личности! Нет, это надо испытать самому...

Морт (усмехаясь).

Что ж галлюцинация может быть приятной! Но ведь ее по дает яд! Ну, а что поделает твоя личность, если галлюцинация з чет стать неприятной? Ты, например, потерял способность с обыкновенной наблюдательности. Не странно-ли... (прижавшись к понижает голос). Не странно-ли было бы для нормальных нервов бы мое появление в этот роковой для тебя час—час гибели тв таланта?

Драматург (испуганно и недоум моргает глазами, стараясь осмыслить странные на друга).

Морт (с намеренной медлительностью).

Вот уже полтора года как мы не встречались. Похоронил я в горах, в холодном санатории (берет со стола конверт). Сегодня то ты получил от меня вот это письмо. И в нем подробное, с нео чайным трудом нацарапанное донесение о безнадежности моего з ровья, о вспрыскиваниях камфоры, противных протезах... И ты лично знал, что это не ложь и не симмуляция! Согласись, что э мент невероятного во всем этом слишком очевиден! (Смеется. Евг безпокойно двигается в кресле) Однако я—умирающий Морт—рискнул тягости далекой дороги, пришел к тебе в глухое, ночное вр (часы громко отбивают половину двенадцатого) в сакраментальный, ночный час и мистифицирую тебя прорицаниями, тайнами и наме ми на чудесное! Как же твоя изощренная наркотикой личность подметила этих странностей?

Драматург (неуверенно).

Что ж тут особенно странного?

Морт.

А ты когда то очень толково разбирался в непостижном! Создал елый цикл фантастических шедевров! (смеется). Однако! Ты откро-енно перепуган! Хорошая твердость и ясность мысли!

Драматург (жалко, с явным усилием смеется).

Да, кое что в твоем появлении поразительно! (облегченно). Впро-ем, ты всегда был отличным мистификатором. Помнишь, как ты звел Иосифа? Он до сих пор считает тебя агентом преисподней...

Морт.

Почему преисподней? Добрым душам уготованы небеса! Однако, подумай какая прекрасная тема для писателя эта наша встреча. Бе-еда не лишенная интересной содержательности... Хочешь, разовьем е как это мы делали в доброе старое время? Встреча и задушевная беседа двух мертвецов—я то уже до очевидности покойник—условия некоторой таинственности, полночная жуткость, согласись—все это великолепный материал для твоего изощренного воображения! Не трудно мою загробную фигуру подвергнуть художественной обработке! (смеется). Ну вообрази, что твой друг, давно умерший, по велению Неведомых Сил явился в роковой для тебя час эдаким заправским Вестником Смерти! Посланником Неба!

Драматург (принужденно смеясь).

Неба? Однако пославшие тебя странно толкуют милость и уте-шение!..

Морт.

Нет, ты не резонерствуй, а оставайся художником! Вооружись твердой и ясной мыслью! Вникни в реальность того, что с тобой происходит!.. (сметься). Ты опять пугаешься?..

Драматург (с трудом, едва владея собой).

Нездоровится что-то!.. Нервы!.. (ежится).

Морт (с иронией).

Хороши, однако, орудия твоего труда! Эдак и я сам и эта беседа могут быть только порождением кокаина...

Драматург (напряженно и тр
задумывается).

Морт (властно).

Возьми себя в руки! Меня видишь ли заинтересовала
Серьезно, разовьем ее!

Драматург (раздраженно).

Развивай если тебе это нравится!..

Морт.

Удивляюсь твоей близорукости! Художник не прошел бы р
душно мимо нее. Чудесная тема для маленькой новеллы. Еди
душ в жизни и верность по смерти... В тяжелый час приходит
ший посланцем неба и говорит что нибудь знаменательное, по
ющее! Важно, видишь ли, создать подходящую обстановку, настр
соответственно нервы, встревожить больную волю! А знаменате
фраза может быть совсем простенькой.

Драматург (раздраженно)

Что нибудь вроде твоего приговора?

Морт (спокойно).

Что ж и это не плохо для темы. Но...

(Наклоняется, вперяет тускдый взгляд в
Драматурга. Говорит с эффектной сдержанно

Но лучше, если он скажет что нибудь попроще, правдоподоб
Например... (делает намеренную паузу). Твой час пробил! В полночь,
полночь ты умрешь!

(Откладывается в кресло, глухо, почти безз
смеется).

Драматург (в тревоге, машин
озирается, смотрит на циферблат часов. Делае
метное усилие. Говорит с плохо наигранным са
ладанием, жалко усмехаясь).

Тьфу! Ты прямо таки эксплоатируешь мою совершенно ест
венную нервозность! Скучно и трафаретно развитие темы! Спа

его разве эффектность исполнения. (Заметно дрожат его руки). А ты совсем хорош для этой нелепой роли! Признаюсь, мне совсем не по себе!..

(Слышны торопливые шаги. Нетерпеливо стучат в дверь).

Голос (сдержанный, но громкий).

Евгений!

Драматург (встает, повернувшись лицом к двери, идет к ней неуверенно, пошатываясь. Рассеянно бормочет).

Одну минуту... Кто там? Сейчас!

(В это время Морт, сжав в руках цилиндр и палку, беззвучно усмехаясь, со старческой, расслабленной торопливостью, бесшумно пробирается в простенок между шкапами. Из мрака едва заметно проступает белое пятно его оскалившегося лица).

Драматург (толкая дверь).

Кто там? Входите-же! (Радостно). Дружище!

Друг (на пороге).

Я на секунду! Не войду даже... Лечу, брат, в редакцию. Старик просил забежать к тебе за некрологом. Извини... может быть...

Драматург (недоуменно, с трудом).

Не...кро...лог?..

Друг (входя).

Да, что с тобой? Неужели не написал? Ведь это скандал!

Драматург.

Позволь... ка...кой некролог?

Друг (кричит).

Некролог! Самый обыкновенный некролог о смерти твоего приятеля Морта! (всматривается в лицо драматурга. Озабоченно). Да, что с тобой? С неба свалился что-ли? Послушай!..

Драматург (хрипло).

Морт... умер...

(Медленно оборачивается. Видя опустевшее ло, как сомнабул, придвигается к столу, протянув перед собою руки. Падает в кресло. ны его глаза).

Д р у г (приближаясь, с недоумением).

Послушай! Что же это?..

(В это время часы громко отбивают пол Драматург пытаясь встать, во власти навязчиво сли, судорожно сжимает руками голову. Но под ный, четкий бой часов, как под ударами тя палицы, склоняется его голова, трусливо подби тело. И на последнем ударе безжизненно зат он, нелепо скорчившись в кресле).

З А Н А В Е С.

ОЛЬГА ГОРЯЧЕВА.

ЛЬВИНЫЙ ЛИК.

(Новелла).

Посвящаю Якову Зекелю.

I.

Тягуче и медлительно прошли первые два года ссылки для Си-ова. Но оправдалось и на нем ходячее суждение о человеке, как о ществе ко всему приспособляющемуся. Приспособился и он к бедной овседневной жизни забытого на далеком Севере поселка. Веселый, нергичный, горячий, внезапно оторванный от живой, захватывающей аботы, от домашнего уюта, обвеянного кроткою лаской, возрожден-ой с появлением первого ребенка, любви—он долго не мог прими-иться с чудовищно-скучной явью новой жизни. В полусне, в олусознании тянулись дни и ночи, притупляя скорбь ожесточенного ердца. А время, за пределами полярного круга, тянулось мучитель-о, не радуя истосковавшуюся по ярко-голубому югу душу краткими роблесками багрового Солнца. На бледном нездоровом небе тускло ерцал воспаленный солнечный диск, редко пробиваясь сквозь облач-ую толщу. И снова в глубокую ночь уходила безотрадная белая ундра и далекие цепи гор. И из мрака ночи доносился уныло-жуткий ой собак, всегда злых и всегда голодных.

Сильный, на редкость здоровый, рослый, с открытым, ясным ицом, звонким, громким голосом и смехом, всегда следивший за воей наружностью и очень ею довольный, Симов пытался первое ремя, не взирая невероятные трудности, соблюдать даже мелочные ривычки жителя большого города. Тщательно брился, часто менял елье. Слишком чудовищными показались ему образы людей, с ко-

торыми он поневоле стал тесно сходиться. Но обстановка и пр
властно диктовали ему свои законы. Невозможно, попросту, оказ
стирать белье. Очевидно нелепыми и ненужными оказались воро
ки и тонкое белье там, где мороз заставлял кутаться во что по
в твердые шкуры, меха и одеяла. И были дни, когда он невы
сидел в грязном, меховом мешке, прислушиваясь к вою собак и
лярной вьюги.

Жил он, по местным условиям, очень недурно. По крайней
нельзя даже было и устроиться лучше и удобнее в этом убого
селке. Но Боже мой, как жалка была эта жизнь! Как противна
ему казенная избенка начальника уезда, приютившая его у себя
ревянная, старая, покосившаяся, она долго пугала его своей н
чайной неопрятностью, грязным, никогда не мывшимся полом, го
стенами, грубо сколоченной, неудобной мебелью. Все это было
превычно ему, избалованному терракотой, мрамором и никкелер
ными трубами казенной городской квартиры. И сам хозяин его
чальник уезда Боярский, пожилой, оплывший и опустившийся
цейский чиновник, был противен ему и скотским образом своей
мой полупьяной жизни и непомерным обжорством и неряшливо
Долго не мог Симов привыкнуть к его отвратительной привычке
плевываться прямо на пол, к его грязному форменному сюрту
позеленевшими пуговицами, хриплому, тяжелому дыханию, и особ
лицу его, морщинистому, красному, с мелкой сеткой синих прож
хмурому и сонному.

Но время шло—прошло два года — и Симов незаметно, ден
днем сильно опустился по внешности. Ходил Бог знает в чем. П
зывал шею грязными тряпками, пялил на голову изодранный, ст
ный по фасону, но удобный и теплый меховой картуз и очень ру
брился. Пышные, светлые волосы, заброшенные гривой назад, из
ка кое-как подрезывал ему поп Никанор, бедный и дикий инор
тайком впадавший в ересь и язычество. Стригли друг друга по вз
ному соглашению, и каждый раз когда Симов брал в руку п
Никоноровых волос, жестких, темных и твердых, с недоверием в
дывался он в странную форму черепа маленького попа, вслушив
в его шепелявящий голос, и ему казалось, что поп не челове
какое-то животное, с трудом обученное членораздельной речи. И т
по живым людям властно охватывала его, будила воспоминани
кипящей жизни больших городов, о голубой перспективе электр

твом залитых улиц. С особенной ясностью припоминался ему чех-парикмахер, у которого он обыкновенно брился, с его необычайно чистенькими фартухами и приборами. Невыносимыми становились тогда ему и поп, и хозяин, и грязный оплеванный пол. Невероятной казалась ему возможность пробыть среди них не годы еще, а недели и дни...

„Тоска. О какая тоска", шептал он, бегая по комнате, малодушно обливаясь слезами. Валялись на этажерочке кое-какие книги, привезенные им с собою. Смутная неуверенность в себе заставляла его избегать одиночества. Долгими вечерами и далеко за полночь сидел он в накрепко прокуренной комнате, с отупелой внимательностью следя за процессом карточной игры. Мелькали пестрые пятна карт, в дымном воздухе вяло тонули редкие слова: „Пасс! Вист!".

И это продолжалось почти изо-дня в день, из ночи в ночь. И лица—оплывшее, мятое лицо Боярского, темное, скуластое попа Никанора и их третьего партнера, купца Сивачева—совсем уже не человеческое лицо,—отмороженное, щетинистое и перекошенное—казались ему неотъемлемой принадлежностью карт. Трудно было представить Симову, что Никанор по субботам и праздникам справляет кое-как службу в убогой поселковой церкви и что купец Сивачев—выжига, много перевидавший на своем веку всяких видов человек—может оторваться от измазанного мелом стола и умчаться в тундру, через горные цепи, за соболями и чернобурыми лисицами на диких волкоподобных собак. И еще труднее было ему представить Боярского в роли исполнительного администратора. А между тем случалось Симову просыпаться на рассвете от возни и кряхтенья, которые спозаранку поднимал его хозяин, собиравшийся в об'езд своего огромного пустынного уезда. Укутанная в меха обрюзглая фигура его суетливо собирала пития и явства, а на дворе злобно скулили собаки и трещал ужасающий мороз. И странно было Симову, что в такой развалине, оплывшей от сна и безделья, могли таиться чувства мужества и героического терпенья, необходимые в долгом и опасном пути по бесконечной снежной равнине. Случалось, что после долгого отсутствия являлся Сивачев, сильно похудевший, обросший, и рассказывал, как во время перевала через горы захватила его мятель, как приходилось неделю выжидать погоды, прижавшись спиною к утесу, без огня и провизии. Как от голода приходилось жевать ременные постромки, поминутно удерживая обезумевших собак от взаимной расправы. Коротко, просто и неохотно рассказывал это

Сивачев. Только поп Никанор никогда ничего о себе не говорил молва говорила, что делая об'езд своего прихода, терявшегося тундре кочевых племен, в юртах совершенно диких своих сопле ников вершил он мистические обряды по вере своих отцов. Стра обряды, где самогипноз и наркотический мухомор порождали же ких и не брезговавших человеческой кровью пророков.

И в этой кампании Симов провел два тоскливых и томитель года.

II.

Властно диктует природа свои законы на Севере. Безконечная снеговая тундра, цепи вулканических гор на горизонте, оледеневшее море не замечали копошащегося в борьбе с ними человека. Равнодушно губили они смельчаков, дерзавших осилить их терпеливую жестокость. И глубоко ненавидел Симов это величаво-спокойное царство холода и ночи. С каждым днем обострялась в нем жажда возврата на лоно когда то так плохо оцененных житейских благ. Даже мелочи прежнего обихода казались ему необычайно милыми и необходимыми. Чистенькая скатерть, электрическая лампочка... Иногда эти образы побуждали его лихорадочно заняться приборкой своей убогой комнатки. Приводил в порядок этажерку с маленькой библиотечкой, развешивал оленьи шкуры, прикрывая толстыя щели в прогнивших стенах. Долго, старательно мыл пол и закрывался от вторжения неряшливых посетителей. Но стоило на минуту зайти в прибранную комнату Боярскому, как в ней воцарялись опять грязь, непорядок и перегар его тяжелого тыхания.

Все реже и реже давала себя знать старая привычка к чистоплотности. К третьему году он как-будто совершенно примирился с обстановкой. Даже к преферансу стал проявлять интерес, сменяя уходивших партнеров, вмешивался в редкие споры играющих. Неясно, неуверенно пробуждалась в душе надежда на скорую возможность жадно, досыта, прильнуть к источнику настоящей, человеческой жизни. „Еще три года. Только три года"! думал он и от нетерпения бродил из комнаты в комнату. В нем пробудилась уснувшая энергия,

долго дремавшая мысль. Перечитывал книги, смакуя каждую ст
писал стихи, начал серьезную научную работу, делая наблюд
собирая коллекции минералов и растений. Копошился в канцеля
где натыкался на невероятные, как невероятен и вес край, ку
доброго старого времени. Незаметно наполнялось время, и снов
чувствовал приятную усталость оздоровленного духа. И здоровы
слегка пошатнувшееся в первое время, как-то внезапно и б
окрепло. Порозовело и пополнело лицо, снова зазвучал громк
голос и зазвенел приятный смех.

„Не узнать нашего меланхолика!“ Говорил Боярский, с у
нием поглядывая на него из-за засаленного карточного веера.

А Симов задушевно смеялся.

— „Подумайте, осталось три года! Даже не три, а два г
восем месяцев!“

— „Вот оно что! А я, батеньк,а тринадцатый год на ваше
ложении! И ничего! Потолстел разве“, успокаивался Боярский
ляя игру.

Уже меньше засиживался с ними Симов. Уходил к себе, ш
из угла в угол, высоко подняв голову, улыбающийся и бодрый.
том писал при жалком свете крошечной лампы ..

В жажде обмена живою мыслью обходил поселок, уже не
гая чудовищной грязью убогих жилищ. Пожимал крепко и серд
корявые, никогда немывшиесе руки, подолгу добродушно и ла
нянчил скучных и хворых, покрытых язвами ребятишек, вспом
свою девочку Нину. Любили его инородцы, поверяли ему тайны с
темных, языческих душ, пели ему свои заунывные, как тундра зи
песни. Много странного услышал Симов от этих хворых, всегд
лодных детей природы С жаром и негодованием входил в их ну
писал бесчисленные просьбы. А в канцелярии, куда неизбежно п
дали эти бумаги, Боярский равнодушно выговаривал ему:

— „Бросьте, голубчик! Наберетесь еще чего-нибудь от них!
что толку? И не читая подсовывал к „делу“.

А Симов все-таки упорно надоедал ему. За два года ссылки
лучил он несколько писем от жены. Хорошо и благополучно, в т
же бодрой надежде на скорое возвращение, протекала жизнь
смелой и гордой подруги. На карточках прекрасно выглядели и
и маленькая, пухлая, веселая дочка И взглядывая на дорогие
шептал он: „Скоро! Скоро!“.

Только на тундру и горы поглядывал недружелюбно. Не мог привыкнуть к их подавляющему величию. Особенно после рассказов Сивачева о мятелях, голоде и морозе, негодовал он на их непреоборимую преграду, кольцом замкнувшую его в тягостном плену. И мысль о бегстве приходила ему на ум, как вызов раздражающе-властной природе.

III.

Третья весна – по контрасту с долгой и унылой зимой—тепл
яркая необычайно, шумная от слетавшихся с юга бесчисленных
чьих стай, глубоко захватила Симова. С раннего утра бродил он
тундре, перескакивая с кочки на кочку. Подняв голову, смотр
ясное, голубое небо и пел громко и восторженно. Далеко по расш
шей тундре разносился его звонкий, приятный тенор. Собирая п
бледно-окрашенных цветов, пробирался он к берегу моря, вдоль бу
вой весенней речки... Соленный морской пролив отогнал поселок
тридцать верст от морского берега. И с высоты крутого, мшис
утеса, с приятно печальным томлением, часами, не отрываясь, смот
Симов на спокойную морскую даль. Как и горы—величаво споко
лежало оно у ног его—третий страж тягостного плена, но ласков
улыбающийся, как будто обнадеживающий страж! Бледно-си
гладь его бороздили стаи белух и одинокие кашалоты. Нестерп
сверкали тающие последние льдины. И глубоко чувствовал он отда
ность и оторванность бедного поселка от мира торжествую
культуры.

Отсюда, с моря, ждал Симов благодатной вести об освобожде
Как и весь поселок, с наступлением весны, растоплявшей оледене
море, ждал он благого вестника с юга—первого весеннего парох
С каким нетерпением ждали все его! Полуголодным инородцам, ис
щенным недоеданием, привозил он муку, чай и сахар, горьким п
ницам,—много их было здесь – блаженство опьянения. Только мн
грешное, неправедное начальство, сильно увязшее в путанице ка
ной отчетности, не ожидало ничего хорошего. Только холодну
настойчиво-требовательную корреспонденцию привозил ему паро
И ко времени вероятного прибытия парохода все население посе

необ'ятного уезда, за исключением хворых, инвалидов и глубоких арцев, пробиралось к морю, на длинную, узкую косу, где стояли олько развалившиеся рыбачьи амбары. Учредив наблюдательный ункт на высоком утесе, целыми неделями, с нетерпением людей приыкших коротать темные полярные дни, сидели они на гладко оттоенных прибоем корчагах, зорко и подолгу вглядываясь в четкую ерту горизонта. Безмолвно и уныло бродили по берегу, погрязая по олени в ракушке и гравии. Не о чем больше было говорить им, стощившим все темы за долгую зиму. И только Симов, неугомонный, оворливый, тяжело ступая по гравию, пробирался от группы к групе, разнося повсюду свой звонкий и приятный смех. Надоедал хмуому Боярскому, оторванному от приятного полусознательного зимнего прозябания.

— Что это с Вами, Петр Иванович?—недовольно удивлялся он:— сидели два года мокрой курицей, а тут на тебе!

И уходил от Симова к неразлучным соратникам по зеленому полю.

Случалось, долго не приходил пароход. И все-таки, целый месяц сидели на косе эти люди, терпеливо поглядывая на море, ночуя у костров, питаясь дичью и рыбой, засыпая ненадолго, с неясной тревогой за судьбу парохода. А когда приходил запоздалый вестник, узнавали они скорбную историю крушения у безотрадной гряды Курильских островов—историю частую и обычную в этом уголке света.

Но вот с утеса разнесся долгий, протяжный и восторженный крик часового. Все как один смотрели на него, в восторге размахивающего руками, притаптывающего уродливыми, меховыми сапогами.

И оживала унылая коса!

В нетерпении бегали люди, лезли на вершину утеса и жадно всматривались в дымок, еле заметный на резкой линии горизонта. И по мере приближения его, изголодавшиеся от безвестия и плохой пищи люди, бессвязно восклицали, выражая тысячи предположений о долгожданном госте с далекого Юга. Вырисовывались мачты, дымящаяся труба, показывался, наконец, остроносый темный корпус, окаймленный полосою пены. Неуверенно, поминутно ощупывая дно опасного каменистого рейда, приближался к берегу пароход. С грохотом отдавал якорь, устало шипя отработанным паром, как-будто отдуваясь от долгого и тяжкого пути. Облезлая старая посудина, истрепанная долгими плаваниями по закоулкам земного шара, от полярных вод до душных тропиков, в глазах ожидавших людей казалось могучим и чудесным осколком великой цивизации, от которой отрезала их суровая природа.

IV.

С берега видна была суета на палубе парохода. У бортов толпились пассажиры, слышны были окрики и свистки помощ капитана. С грохотом и шипением заработали паровые леб шлепнулись на воду плоскодонные грузовые баркасы и тяжело чиваясь на талях, осторожно опустился паровой катер. Видно как медленно поползли из трюма грузы, заполняя баркасы, а некоторое время от борта парохода, бодро попыхивая паром, от катер. Первые вести нес он из далекого мира и на встречу ему кался люд со всего берега. Бодрился начальник уезда, вглядыв безпокойно в под'езжающих на катере. Рядом с ним стоял стар —маленький, черный, искривленный нуждой и болезнями инор И этот безпокоился, ожесточенно в сотый раз протирая убогую дальку, украшавшую его впалую, невероятно грязную грудь. Тут стояли и поп Никанор и купец Сивачев Нетерпение проявлял то Симов. Суетливо бегал он по берегу, размахивая в знак приветст уродливым картузом, и ветер ерошил львиную гриву его заброшен назад волос. Педошел катер, подтянулся на якоре и закрепил с корму концами. Долго и безтолково тянули их в разные стор столпившиеся люди. Наконец, потеряв терпение, на берег спры увязнув по колена в ракушке, молодцеватый суперкарго, щ лявший золотыми шевронами морской тужурки, с тяжелым порт лем в руках. Наивная самоуверенность, необычайная авторитетно

ыли написаны на его юном лице. Но почтительная тишина, освя-
ценная традициями, неожиданно нарушилась нелепой восторженно-
тью Симова. Охватив руками маленького суперкарго, он долго кри-
ал ему на ухо, оглушая громким голосом:

— Ну, наконец-то, дождались! Добро пожаловать! Слава тебе,
Господи!—и засыпал моряка безчисленным вопросами.

С удивлением смотрел суперкарго на широкое, искренне возбуж-
денное лицо большого сильного человека, тискавшего до боли его
руки. И отстранив его, сухо и вежливо бросал на ходу забегавшему
вперед Симову:

— „Узнаете! Все узнаете! Конечно, есть и новости. Почта есть
и ее даже грузят в первую очередь".

А Боярский за спиной грубо и недовольно скрипел Симову:

— „Да уйдитс, вы, Христа Ради! И дела то из-за вас не сде-
лаешь! Мешаете тут только!"

Симов не слышал жестких упреков, смотрел жадно в лицо мо-
ряка, так недавно еще бывшего там далеко, в теплом и голубом
мире людей, творящих живую и интересную, кипящую жизнь. Но
пока что суперкарго деловито и серьезно говорил только о грузе,
выгрузке и документах, рылся в портфеле, разбирался в пачках ко-
носаментов. Но деловые темы наконец изсякли и суперкарго автори-
тетно и снисходительно рассказал новости далекого мира. О вой-
нах, возмутивших местами планету, о первых намеках на революцию,
о жалком русском парламенте.

— И вас, непосредственно, есть кое-чем порадовать, рассказывал
он усевшись на корчаге. Привезли вам артель рабочих, инженеров и
материалы. Вот там на утесе, этим же летом соорудят они вам радио-
станцию. Легче будет вам коротать теперь зиму!".

По невежеству, к этому известию, многие отнеслись равнодушно.
Но Симов возбужденно и долго, с мельчайшими подробностями об'яс-
нял сущность и назначение великого открытия. Внимательно слуша-
ли его темные люди, и восторженность Симова смутно будила и в
них какие-то неясные надежды.

Взобравшись на высокий утес, впервые победоносно посмотрел
Симов на далекие цепи снежных вершин и безграничную даль тун-
дры. Наконец-то человек сокрушит их величаво-самоуверенный авто-
ритет!

V.

На баркасах прибыли, наконец, долгожданные грузы. При
и почту. Неохотно принялся за разборку ея Боярский. С нет
нием поглядывал на медлительную работу его пухлых и грязны
Симов, но дождался и он наконец нескольких писем. Бегло, на
просмотрел он их, предвкушая сладостное, медленное смако
каждой строчки потом, когда можно будет до-пьяна упиться н
ной впечатлений, собрать все новости и слухи, которые при
свежие люди. Метался по берегу радостно-возбужденный, спрят
груди дорогие письма, и упросил, наконец, суперкарго взять е
катер. На борту парохода увидел он множество новых людей
показалось ему, необыкновенно аккуратно и чисто одетых, эне
ных иностранцев: капитана и его помощников, спокойную и
страстную китайскую команду. Странное впечатление производи
него ярко вычищенная медь, чисто вымытые цыновки в проход
в пассажирском салоне, показавшемся ему даже чрезмерно ро
ным от обилия пунцовой обивки мебели, чисто сервированного
на минуту застыл он в изумлении, всматриваясь в странно знак
фигуру, отразившуюся во весь рост в большом, обрамленном в
ное дерево, зеркале. С трудом верилось ему, что необычайно
ный, обросший, одичавший человек с растерянно восторжен
как будто глуповатым лицом, с неожиданной отчетливостью в
ший перед ним, был именно он сам—учитель гимназии Симов
торого классные дамы за щепетильное отношение к своему ту
и наружности называли „чистеньким денди".

Тут же в салоне познакомился он с инженером и техниками, готовившимися с'ехать на берег на все лето и осень, на постройку радио-станции. В форменных тужурках и фуражках, серьезные и озабоченные люди, укладывали вещи, скупо перебрасываясь словами. Не удержался Симов и на них обрушился с неизсякшей бурной восторженностью. Замахал руками, закричал о победе над природой и стихиями, о прогрессе. Только техник Панченко—умный, бодрый и немного лукавый,—украдкой добродушно посмеиваясь, выслушивал длинные и громкие речи Симова и даже распил с ним бутылку крепкого японского пива. Инженер, пожилой, мрачный человек, попросту отмахнулся от него, отрезав нервно и жестко:

— „Ах, оставьте! Некогда тут!

И Симов, слегка охмелевший, бродил по палубе, напевая что-то под визг и грохот лебедок, заглядывая в зияющую глубину трюмов, переполненных ажурной сталью, тяжелыми двигателями и динамо-машинами. С чувством гордости и необ'яснимой радости смотрел Симов на тяжелые маховики и цилиндры, на изящно изогнутую сталь, массивные устои, запечатлевшие в формах своих точные расчеты победоносного человеческого ума, и волею его предназначенные одолеть преграду, разделившую два обособленных мира. И в толпе рабочих, с которыми он с'ехал на берег, говорливым и ко всему уже привыкшим людом, среди которого были и молчаливые желтокожие, чувствовал Симов, что настал конец его безотрадному одиночеству. Еще одну нечаянную радость подарил ему этот счастливый день. На берегу встретился ему хмурый и обезпокоенный Боярский—сильно уже подвыпивший. Комкая в кармане пачки казенных пакетов, поделился он с Симовым невеселыми новостями:

— „Губернатор приедет! Сам лично. Из-за этой самой вашей радио-станции. Не было печали!"

И когда Симов хотел было уже отойти от него, вспомнил что-то бедный чиновник, закопошился в кармане и роняя на землю скомканные пакеты отыскал какую-то бумагу.

— Могарыч с вас, Петр Иванович!—засмеялся даже он.—Вот уж нежданно—негаданно! Манифест!

И показал изумленному Симову документ, длинный и подробный, который, как ключ от замкнутой наглухо двери, открывал перед ним путь к желанной свободе. Последним рейсом можно было

оставить безотрадный Север, а до осени полно и интересно протечет его жизнь в созерцании напряженной работы по сооружению стального снаряда, могучего и точного, как мысль человека.

Долго стоял Симов, радостно ошеломленный, не замечая, как по лицу его, размазывая грязь, текли крупные слезы. В какой то компании, разжегшей на берегу огромный, необычайно яркий костер, даже и он выпил лишнюю рюмку. Немного пьяный, растроганный и удовлетворенный, залег он наконец спать в рыбачьем шалаше, на какой-то истрепанной шкуре, зажав в руке женины письма.

VI.

С изумительной скоростью шло сооружение станции. На бетонном основании выросли огромные, но легкие, причудливым узором сплетенные мачты. Между ними нависла нежная паутина приемной сети. С каждым днем под дробный стук молотков и топоров росли на утесе станционные здания, службы и жилые помещения. По рельсам маленькой доковильки безостановочно сновали вагонетки с берега к месту работ. Сложная, но точно и строго распределенная молчаливым инженером работа служила для Симова источником безконечного наслаждения. С раннего утра до поздней ночи неотлучно находился он на постройке. Безвозмездно и старательно оказывал инженеру и техникам множество услуг, писал, чертил, а иногда напрягая всю силу своих могучих мускулов помогал перетаскивать тяжело нагруженные вагонетки. Как-будто благополучное завершение гигантского сооружения было его личной заветной мечтой. А в звездные летние ночи, когда засыпала в бараках истомленная артель, сидел он одиноко и смотрел на силуэт удивительного снаряда, четко рисовавшегося на фоне светлого неба. Много мыслей бродило в его голове, отуманенной предчувствием близкой свободы. Вставали в пямяти воспоминания о любви, которая казалась ему сильной и необыкновенной, не такой, какую переживают все другие. Припоминались мелочи семейной жизни, лепет ребенка, служба, молодежь, очень его любившая, и друзья, которых у него было много. Давно простил он врагам своим из-за пустяков, из-за неосторожно переданной книженки изгнавших его надолго из жизни. Неприятно только и очень отчетливо запечат-

лелся в памяти бравый, голубой ротмистр, любезный до слащав ворвавшийся ночью в дом, копавшийся в письмах и бумагах прощание протянувший ему снисходительно руку. До сих пор приятно было Симову вспоминать об этом пожатии, до сих пор ствовал ладонь, сухую, костлявую, уколовшую кожу дорогим не огромным перстнем.

В средине лета, простояв целый день на дожде, Симов си простудился. Осип его звонкий голос, ночами мучил глухой тяж кашель. Мучительно болели слегда опухшие руки и ноги. От без ных ночей и головной боли припухло его загорелое лицо. Ко тучами носившиеся над тундрой, жестоко искусали открытую н его лица и рук. Потрескалась она и местами начала гноиться. Не мало заботили такие пустяки. Не его же одного обезобразила мошкора! И инженер, и техники, и рабочие давно уже потеряли ловеческий образ.

— Успею, Господи! При моем то здоровьи! — говорил он, вып вая могучую грудь. Но недомогание не проходило. К тому же н он ощущать частые приступы тяжелой тоски. Так тянуло его туд своим, скорее, не теряя ни единой минуты...

Настал наконец день великого торжества: пробовали стан Загудели моторные двигатели и в сети проводов четко затрек электрический ток. С любовью и гордостью созерцали люди за ченное создание своих трудов, воли и знания. В благоговейном тении смотрел Симов на голову Панченки, перехваченную обру приемного аппарата. Что-то мистическое было в точной работе рабощенного гением человека тока. Со странной покорностью жила ему загадочная и опасная сила. Неузнаваем был и Панченк обыкновенный, ленивый, но очень толковый чиновник. Здесь на сц посту освещенный голубыми молниями мощного тока, среди взр вающих стрел и спиралей таинственных катушек, казался он Сим бесстрашным и необыкновенным человеком. Притаившись в сторо каждый вечер подолгу сидел Симов, смотря на безмолвную раб телеграфиста. К этому скоро привыкли. Даже угрюмый инжене строгий формалист – не запрещал ему этого. А оттуда, из-за мно тысяч верст неслись и благие, и недобрые вести. Агентство скуп на слова, сухо оповещало мир о том, что случилось замечательн на маленькой планете. И сама станция робко доносила о себе, бедны и бессодержательны были ее сообщения, как бедно и уб было ее пристанище.

VII.

В конце осени станция приняла депешу: „Прибуду понедельник Проков". Подпись была губернаторская.

Опять засуетился поселок. Потянулось к берегу обезпокоенное начальство Наводился порядок. пошла обычная суета перед прибытием важного лица. Приказано было даже подмести убогое подобие поселковой улицы. Перед уездным управлением проветривались слежавшиеся, полинявшие национальные флаги. Событие в самом деле было исключительное.

Только служебный персонал станции равнодушно отнесся к приезду высокой особы. Симов сначала очень заволновался, хотел с'ездить в поселок за приличной случаю одеждой, но посмотрев внимательно в зеркало на опухшее, обезображенное до неузнаваемости лицо и вспухшие на суставах руки, махнул рукой и опять замкнулся в своем углу в аппаратном отделении.

— Я то при чем,—говорил он Панченке и окончательно успокаивался.

Но когда показалась белая, нарядная губернаторская яхта, в нем пробудилась убитая недомоганием восторженная суетливость. Опять забегал он по берегу, среди молчаливых, смутными предчувствиями обезпокоенных людей. И снова Боярский, совсем трезвый, не похожий на себя, старательно выбритый, в новом, но сильно помятом мундире, при орденах и медалях, наставительно строго скалал ему:

— „Вот что, голубчик! Как ни как, а вы все-таки неблагополучный человек в наших краях! На всякий случай—для вас же лучше—

станьте в сторонку или туда... к «ним»... и указал пальцем в темн группу инородцев. „Советую"! значительно добавил он и поверну к ошеломленному Симову широкой и жирной спиной.

Так и сделал Симов. Глубоко обиженный, стал в стороне бо шой, слегка сгорбленный, нахмурив свое темное опухшее лицо. А это время от борта ставшей на якорь яхты отошел нарядный, мото ный катер. На корме его, грузно осев в мягкое сиденье, сидел губе натор. Бывший врач, профессор медицинской академии, автор ценны ученных трудов, он неожиданно променял карьеру ученного на кар еру чиновника и администратора. Хорошие побуждения были у не но восходя по честолюбивой лестнице чинов и должностей, отра ленный безграничной властью, в конце концов он представлял соб только редкостный бюрократический курьез. К авторитету врача пр общил он авторитет всемогущего губернатора, и это нелепое сочет ние породило много недобрых последствий. Окруженный свитой ч новников, недовольно смотрел он на угрюмый берег. А по мере прибл жения катера к берегу, бледнея и краснея, подтягивался несчастны начальник уезда, приклеив задолго руку к козырьку. К нему раст рянно жались поп и староста, и как стадо темной толпой замира бедные инородцы, никогда еще не видевшие в лицо своего самодер жавного властелина. А отдельно от них, в злобе и рассеянности обна жив голову, стоял Симов, помахивая от волнения изодранны картузом.

VIII

Отвернув красную подкладку пальто, грузно и уверенно шагая, сошел на берег губернатор, короткий, полный и осанистый. Из-за очков зорко и самоуверенно смотрели узкие, слегка раскосые калмыцкие, как и все его темное скуластое лицо, глаза. Но странно и обидно было Боярскому, что не на него устремлялся упорный взор начальника края. Что то особенное в фигуре и лице Симова, стоявшего одиноко в стороне, поразило губернатора. Даже остановился он на короткое мгновение, что то соображая про себя. И оглянувшись затем к следовавшей за ним почтительной группе чиновников, глазами позвал губернского доктора. И когда маленький щуплый чиновник угодливо подбежал к нему, губернатор, протянув руку в белой перчатке, указал ему на Симова:

— Коллега, как вам понравится сей лик? громко пробасил он.— Ну не проклятый край? И здесь тоже!

Доктор со служебной старательностью пытливо всматривался в Симова.

— Никаких сомнений, ваше превосходительство, не может быть! Типичное facies leonis — львиное лицо. Проказа! Типичная проказа!— протараторил он также уверенно и громко.

— Слышали?—кричал губернатор, подходя к Боярскому,—с первого же шага непорядки, неисполнительность!

И не подавая никому руки, резким, непривыкшим к сдержанности голосом, размахивая руками, кричал раздраженный губернатор.

— Для чего же пишем мы циркуляры? Не для того, надеюсь,

чтобы вы тут бездельничали и пьянствовали. Почему до сих по бродит этот прокаженный, угрожая бедному, темному нар·ду?—

И белая перчатка опять уперлась в растерянное лицо Симова.

— С первой же оказией отправить его туда, в лепрозорий, н сопку.—

— Ваше превосходительство,—забормотал сконфуженно Боярски - но они . он... из этих... политических... административных... учитель.

—Ага! Знаю! Помню!—тихо уже пробормотал губернатор и тен смущения пробежала по его калмыцкому лицу. Но сразу овладе собою, сказал он громко и твердо:

— Что же поделаешь! Не я пишу законы!—И подойдя к Симову, сказал так же громко и отчетливо, пересиливая глухое волнение пробудившееся в очерствелом сердце.

— Говорю не как представитель власти, а как врач. У вас про каза—болезнь неизлечимая, опасная, очень опасная для окружающих, и как интеллигентный человек вы должны подчиниться требования власти и вашей совести!

И резко отвернулся от Симова, мявшего в смертельном волнени свой изодранный картуз...

Под гнетом обрушившегося на него необ'ятного горя, ничего не видя, спотыкаясь о пни и корчаги, беззвучно плача, побрел по бере гу Симов. Отчаяние убило его волю.

И вечером, в тени ажурной башни радио-телеграфа, под жуткое стрекотание электрического тока, удавился на поясном ремне Симов, боготворивший могучую волю и всемогущую мысль человека.

А через неделю пришел пароход, который должен был доставить его на лоно долгожданной, настоящей, человеческой жизни, и из трюма его на имя покойника выгрузили на берег маленький ящичек, в котором прислала ему жена тонкие крахмальные рубахи с тщательно вышитыми метками, а дочурка Нина—серебряную, безопасную бритву, на ручке которой гравер красиво нарезал:

„Папусе от Нинуси".

СТАТЬИ

И. Смелов.

Чиновники от искусства и молодое творчество.

Илья Садофьев, Динамо-Стихи.
Владимир Кириллов, Стихотворенія.
А. Крайскій, Улыбки солнца.
А. Кузнецов, Стихотворения.
Н. С. Тихомиров, Красный мост.
П. Безсалько, Катастрофа, Роман.
Его-же, Каменщик, Драм. эт.
„Грядущее", Пролетарский, Худ.-Лит. Журн.
(Издание Пролеткульта, Петроград 1919 год).

Перед нами целая серия изданий Петроградского Пролеткульта. Вне всякого сомнения, что произведения т. н. пролетарских литераторов не остались бы незамеченными во всяких, решительно, условиях общественной жизни. Уже просто потому, что даже при беглом чтении очевидна их большая чисто художественная ценность. Но то обстоятельство, что вопрос о пролетарской культуре и творчестве вызвал на страницах повременной печати чрезвычайно интересную полемику, побуждает нас отнестись к этим произведениям с сугубым вниманием. Обмен мнений дал об'емистый материал, позволяющий подвести кое какие итоги. Признавая вполне авторитет марксистов в разрешении вопросов чисто экономических, можно, однако, подвергнуть большому сомнению попытку их с такой же самоуверенностью приступить к разрешению чрезвычайно ответственной задачи: этическаго и эстетическаго перевоспитания масс.

Имея базисом бледныя схемы и глухие намеки великих теоретиков социализма на перспективы духовнаго преображения человечества в со-

циалистическом строе, новая власть—волей-неволей должна была практически разрешить и этот вопрос в согласовании с восторжествовавшей идеей коллективизма.

Нельзя не отказать в должном уважении людям, которые по вдохновению, творческим путем, создали целое научно-обоснованное учение. К глубокому сожалению в основание его взято было очень спорное положение; вряд-ли можно сейчас говорить о коллективном чувстве в индивидууме, как об определенной психической эмоции, когда далеко не разрушены формы старой жизни, когда только внешне поколеблена бытовая сторона человеческой жизни. Смелая и прекрасная задача, конечным достижением которой поставлено пробуждение в человечестве шестого чувства, но попытка разрешить ее, в условиях современности, заведомо обречена на неуспех. И мы видим как сухая, кабинетная формула, после тщательного, канцелярского закругления ее, проводится в жизнь с оффициально-требовательной настойчивостью; но пагубно влияние ея там, где чистое творчество всегда находило верные пути интуитивно. Люди, обуреваемые самыми лучшими намерениями, впадая в чисто бюрократическую нетерпимость своими авторитетными предуказаниями свыше калечат и уродуют подающую несомненно большие надежды литературную молодежь. И жаль это видеть особенно потому, что впервые мы наблюдаем плеяду чисто народных поэтов и писателей, вышедших из самых подлинных пролетарских масс; с подкупающей искренностью и здоровой самоуверенностью сказали они „свое“ интимное и неподдельное. К сожалению, стесненные догматической директивой Пролекульта, чувства и мысли их не получили возможности выявить себя с полной отчетливостью. Чувствуется сжатость, натяжка, неискренность, опасение проявить „себя“ как личность, а не как часть коллектива.

Но насколько тщетны все усилия руководителей Пролеткульта, очевидно из поражающаго своей исключительной наивностью признания виднейшого молодого литератора—Безсалько, ведущаго критический отдел журнала „Грядущее“. В противовес сложному научно обоснованному определению понятия о пролетарском творчестве Богданова и др.—наиболее популярный выученик Пролеткульта заявляет, что:

„Под пролетарской поэзией мы понимаем развитие мыслей и чувств рабочого класса, облеченных в художественную форму *поэтами рабочаго же класса*“. (Грядущее № 1).

И это после того как были написаны целые томы о совершенной недопустимости индивидуального творчества!

Воистину, медвежья услуга Пролеткульту!

Приступая к обозрению поэтических сборников мы сразу наталкиваемся на режущее своей неискренностью уверение.

Поэтов ярче и счастливей и бессмертней
Наша планета еще никогда не рождала!..

Садофьев. Динамо—Стихи.

По совести говоря, вряд-ли это так!

Плохо это уже потому, что напоминает дурного тона самоуверенность типично буржуазного поэта—Игоря Северянина.

Я Гений—Игорь Северяин...

Но этот ляпсус вполне искупается великолепными, убедительно—искренними строками стихотворения „У врат Грядущего".

Поймите, что все то, что замкнуто вами—
В условную, беззубую, мертвую форму—
Уже не живет...
И что создается по старым законам—
Тот-час умирает...

Удовлетворительна у Садофьева и форма: хороши его сонеты „В тюрьме" и „Кресты".

Небольшой сборник Кириллова, представляющий собрание его стихов за довольно долгий промежуток времени, являет нам два совершенно отличных друг от друга лица поэта. Теплотой и искренностью проникнута его лирика. Сильны и безукоризнены по форме его пролетарские стихи. Неискренно, неубедительно звучат лишь его призывы:

Во имя нашего завтра—сожжем Рафаеля
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Безусловно очень талантлив и многообещающ Крайский. Именно у него есть очень удачный образец творчества человека, с чисто коллективистическим мировоззрением.

Я и ты... Громче сердце стучи
Пусть два слова сольются в одно
В наше сердце, глубоке дно,
Вольной воли запали ключи.

Капля к капле—шумит водопад,
Камень к камню—сверкает дворец,
Сердце к сердцу и брызнет свинец,
Загудит, загрохочет набат...

Звонкий звук в золотое звено
Сердце с сердцем навеки сольет
Вот он, слышите, слышите бьет:
Мы одно, мы одно, мы одно...

Прекрасно его стихотворение „Бессмертие". Нельзя не привести его полностью.

Кто скажет—„я достиг", тот—труп окаменелый.
Кто вымолвит „довольно" тот умрет...
Бессмертен взлет безумный, дерзкий, смелый.
Вперед, всегда вперед, без отдыха вперед!...
Бессмертно бурное, стихийное движенье.
Бессмертна мысль, горящая огнем...
Огнем желания, восторга, вдохновенья,
Горячим трепетом, сверкающим огнем...
Желаньям нет конца, восторгам нет предела:
Еще, еще узнать... еще, еще постичь...
Кто скажет—„я достиг", тот—труп окаменелый
Его не шевельнет кипящей жизни клич!..

Подкупающая искренность у Кузнецова. Очень хороши его „Проклятие", „Народ". Менее всех других его можно зачислить в ряды поэтов—коллективистов; так глубоко субъективны все его стихотворения. Впрочем их очень мало в брошюре, имеющей всего 15 страниц.

Симпатичны наивные стансы Тихомирова. Примитивны и непритязательны его образы и мысли. Но и у него та же подкупающая искренность, душевная мягкость, проникнутая чисто народной, кольцовской мудростью.

Современная критика из группы пролетарских поэтов особо выделяет Гастева. Для нас несомненно, что талантливость его безусловно исключительная. Есть у него и богатая образность и энергичный, верный язык и чувство ритма. Но чрезмерное увлечение технической бутафорией: сталью, машиной, паутиной заводских ремней, накладывает на все его творчество печать удручающего однообразия. Все его построения страдают гиперболизмом, доведенным до крайних пределов. До очевидности нелепы его призывы к безсмысленным жертвам; к

миллионам собратий обращается он, умоляя их зарыться в землю, для достижения очень сомнительных благ грядущим поколениям, созидает вавилонские башни в то время, когда вопрос о целесообразном использовании человеческаго труда является наиболее острой проблемой современности. Вряд ли практично призывать сейчас человечество к безнадежной работе над изменением угла наклона земной оси к эклиптике. Кроме того это уж черезчур старая затея, давным давно разработанная покойником Жюль Верном.

Роман Безсалько „Катастрофа" написан языком подлинной жизни. Но построение его страдает чисто техническими дефектами. Поражает схематичность его конструкции, лишенная литературной плоти и крови. В романе совершенно отсутствует движение и внешнее и внутреннее. Ненамечено психологическое перерождение героев даже на краю катастрофы. Неубедительны причины, заставляющие героя кончать расчеты с жизнью. Кроме того уже очень пристрастно, а главное совершенно неверно, нежизненно переданы персонажи—интеллигенты. Это обстоятельство лишает роман качества необходимаго в реалистической литературе--достоинства подлинного человеческого документа. Автор не сумел сохранить в должной мере беспристрастие, не удержался от чисто партийной оценки своих героев. В результате роман приобрел выпуклую, режущую глаз тенденциозность.

Несомненно, что в Безсалько погибает большой и оригинальный поэт. Молитва Хромого в тюремной камере производит в чтении чрезвычайно сильное впечатление.

Совершенно неудачен драматический этюд того же автора „Каменщик". Главнейший его недостаток—полная несамостоятельность. Удручающая сходственность сюжета с драмой Ибсена „Строитель Сольнес" слишком очевидна. Местами сохранен даже лапидарный Ибсеновский диалог. Нелеп и неестествен „интеллигентский" язык персонажей пролетариев. Кроме всего этого драматический этюд поражает совершенным отсутствием драматического эфекта. Даже идея создания чудовищной башни заимствована у Гастева, несомненно сильно влияющаго на творчество более юной литературной молодежи.

Ничего особенного не представляют расказы Грошика. Ничуть они не хуже тех бесчисленных, Муйжелевских рассказов, на которых специализировалась интеллигенция. Несомненно однако, что Грошик вернее и лучше их изобразил быт народа, сыном которого он состоит по плоти и духу.

Этот беглый обзор позволяет нам сказать, в заключение, что мы не смогли усмотреть в произведениях т. н. пролетарских литераторов чего нибудь такого, что позволило бы определенно говорить о психологическом сдвиге масс, как о совершившемся факте. Для нас очевидно, что эти писатели и поэты принадлежат к единой, пока что, литературной семье—обычного типа талантливых индивидуалистов.

Киев, май 1919 года.

КРИТИКА

De arte literarum

(Книжные новинки).

I.

«Демоны глухонемые» стихи Максимилиана Волошина

И-во „Камена" 1919 г. Цена 10 р.

Огненные зарницы „в распахивающейся мгле", горсти тяжелых, насыщенных мыслью слов, стихи Максимилиана Волошина „как демоны глухонемые ведут беседу меж собой". И даже не беседу, а глухое бормотание „во чреве времени" в старинных исторических чертогах, в отдаленных и темных закоулках человеческого сознания...

Стерты границы бывшего и настоящего, и прошлая современность, как современная давность равно растилаются перед читателем, задрапированная тканью своеобразного исторического мистицизма.

Тяжелой рукою темного незрячего времени нащупывает Волошин гигантские рельефы современности нашей, прислушивается испуганно к буре и пению революционных валов, затопляющих берега неприкосновенности и созерцательного покоя.

И в глухом бормотании „демонов" гневно выступают слова проклинающие буйство революционного подвига.

Багрянные цветы „Ангелом Мщения" взращенные на „буйных очагах народного витийства" вытеснили разумное понимание действительности.

Испуг и недоумение застилают глаза Волошину...

Мы переживаем эпоху неслыханных потрясений. Сыпятся искры пожара, и гневная рука исторической непреложности заносит последний удар над готовым окончательно рухнуть становищем...

Искривленное предсмертными судорогами глядит на нас обезкровленное лицо европейской культуры. . Что впереди?..—Небытие или новые формы жизни. Возврата нет. И только „демоны глухонемые" жалко прячутся от нестерпимого огня революций.

— Сгинь! Пропади! Не буди, не буди! —заклинает Волошин „бесовский хоровод" восстаний...

Что делать?—

...Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут—мор, голод и война...
. . . . . .
С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали на грязных площадях,
Распродали на улицах...
...О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи...

Кроме проклятий Волошин ничего не нашелся послать из Коктебеля (там написаны стихотворения) своей больной, мучающейся в жестокой предродовой горячке, родине!

Кажется, чего доброго, а достаточно наслушались мы в дни общественных непогод надгробных ламентаций, слезливых причитаний растерявшихся интеллигентов!..

И пафос их уже никого не трогает.

Не трогают и нас стихи цикла „Ангел Мщения" посвященные русской революции и старательно хоронящие ее в развалинах старого порядка... Нехудожественна пристрастность „Ангела Мщения", неприятна роль поэта—могильщика ценностей еще не проявившихся!.. Зато историческая перспектива событий французской революции позволила Волошину закрепить в безукоризненных сонетах несколько трагических моментов конца 18-го века.

Здесь поэт возвышается до настоящей эпической об'ективности, мастерски, sine ira et studio, набрасывает картину живости необычайной.

Сквозь кристальную ясность рисунка глубоко проникаешь в глу-

бину многоликой души восстания. Послушаем, например, сонет на „Взятие Бастилии“:

Бурлит Сен-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де-Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись: „Здесь танцуют“.

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже... Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
„Четырнадцатого июля. Ничего“.

Длинные монографии ничего не прибавили бы к этим изумительным строкам! Мысль, доведенная до предела экономии, но чем скупее, тем ярче, стальным поэтическим резцом высеченная на мраморе сонетов,—вот что делает неотразимыми все шесть стихотворений цикла „Пламенники Парижа“. Заслуживает быть отмеченным также третий цикл сборника, стихи собранные под названием „Пути России“.

Энергичным, образным языком, приближающимся к народному, написаны небольшие поэмы „Святая Русь“, „Dmetrius-imperator“, „Стенькин суд“, открывающие карамазовскую, темную, „во Христе юродивую Русь“.

„Видение Иезекииля“, написанное дактилическим размером, щедро пересыпанным спондеями, проникнуто мощью и торжественностью ветхозаветных сказаний...

„Демоны глухонемые“ приоткрывают завесу „в распахивающейся мгле“, и встают из прошлаго окровавленные призраки, чтобы снова быть на пиру грозной, огнедышащей современности...

Верховная слепоуказующая Судьба поручила поэту вызвать их, давно истлевших в гробах, испепеленных во времени сознанием некогда содеянного на земле...

II.

«Раковина» стихи Георгия Шенгели.

И-во „Камена" 1918 г. Цена 4 р. 80 к.

Менее всего поэт, кустарь и ремесленник слова, Георгий Шенгели в первом стихотворении, открывающем сборник, следующими многозначительными строками охарактеризовал себя и свою книгу:

Поэзии суровый математик,
Я вычислил все то, что мне дано.
И эта раковина—мой крещатик,
Где ипокрены пенится вино.

Но не „вино ипокрены", а капельки мутной высыхающей влаги достались Шенгели в бедной раковине творчества, выброшенной на берегъ скудного его воображения. И какой безнадежностью, каким фатальным ограничением возможностей дышит это далеко не поэтическое самоопределение:

Я вычислил все то, что мне дано!..

После „Гонга", имевшого некоторый успех и, казалось, давшего право говорить о талантливости начинающего автора, „Раковина" это —разочарование, это недвусмысленные точки над i, утверждающие новую (о, которую!) поэтическую посредственность.

Не кокетством, не литературным приемом, а как настоящее трагическое testimonium paupertatis звучат собственные признания Шенгели:

Мое бессмертие бросает мне об'едок...
Как мертвый груз вишу на роковом отвесе...

Старательный выученик великих мастеров, Шенгели не сумел до сих пор обрести своего поэтического лица, и в стихотворениях его отразился плоский (двух измерений) отпечаток чужих достижений и собственного бессилия.

Живою водой вдохновения не освятил Шенгели грузный и мертвый ворох слов, насильственно втиснутый в строгие рамки сонетов и стансов. Манерные и бездушные, так и не претворились в лирику его стихотворные строки.

Строго вычислены точки горизонта, самых дальних касаний, за которые не смеет переступить тепличное дарование поэта. Но и в сфере доступного, не выходя „за пределы предельного" связанным, несвободным творцом выпиливает Шенгели, как по дереву, скупо и нудно, свои однообразные строки. И неприятна излишняя нарочитость его в выборе изысканных экзотических тем.

И не вина читателя, если с холодным безразличием, а может быть с вполне понятным раздражением отвернется он от такого напр., стихотворения, удручающего бездарностью, крайней нехудожественностью эпитетов и образов:

В подводной лодке, в рубке капитана
На столике расчерченный картон.
Расплывчатой майоликой вспоен
Мутнозеленый облик океана.

Но хода выверенного уклон)*
Прямолинеен в туеклостях тумана,
Где массою *надменного тирана*
Нос панцырного судна *напружен.*

Вот *шелковистый* быстрый *свист* торпеды
Змеиные томительные *бреды*
Вплетает в чуткий перестук машин

И в *лепком воздухе* — гранитны лица
И в *сдавленных глазах — тоска лавин,*
Но вспыхивает радость, как зарница...

Но еще хуже, чем „шелковистый свист торпеды" и „змеиные бреды", эта пошлая бутафория образов, пресловутая „декадентская резвость" таких шенгелианских красот: „иссохшие груди зари" „звон полдневной тишины", "крысы...брызнули топотом быстрых лапок",

*) Курсив всюду мой.

„мысль...как стрела, размягчена в округлых волнах лада", „плеск (?) молока волчицы" или какофонирующей обилием *в* и стилистически безграмотной фразы: „*провыт* призывный *вой* войны"...

И когда сквозь толщу надуманных книжных сюжетов (надо же было задрапировать скудость творческого воображения!) проглянет живое художественное слово, то впечатление испортит слишком близкое подражательное родство с В. Брюсовым:

...И с плеч усталых тихо скинули,
Сложили мертвые тела,
Связав, на душегубках сдвинули
В реку, и влага унесла
Во тьму беззвучную флотилию,
Как вихрь унесит облака.
И так плывем уже века,
Глухому преданы бессилию...
. . . . . .
Там тихие-тихие отмели,
Подводные травы, актинии—
Дневные сияния отняли,
Вплели в оттенения синие,
И любо на пробковом ялике
К прохладным ласкаться теченьям,
И полной ладонью хрусталики
Развеять округлым созвением.

или с М. Волошиным, как, напр. в сонете „27 июля 1830 года" написанном, в общем, безукоризненно.

„Поэзии суровый математик", просчитал что-то в сокровенном последнем итоге. Его математика не спасла поэзии...

И „Раковина" тому доказательство!..

III.

«Творчество», журнал Харьковского художественного цеха, под редакцией Рабиновича.

№№ I и II (Февраль и Март 1919 г.).

Говоря о „Творчестве“ необходимо прежде всего решительно установить, что творчества вообще, а тем более современного и близкого нам в этом журнале нет и в помине.

С недоумением перелистываешь об'емистые тетради, смотришь печать, неудачно выполненные виньетки, иллюстрации, ищешь содержания и не находишь... Вот перед вами первый номер.

Треть сборника занята скверным переводом первого акта пьесы Ромэн Роллана «Дантон». Есть 16 строк стихов Анны Ахматовой, безвредных, напоминающих дамское вино, есть небольшая (на две страницы) энергично написанная поэма Шенгели из древнеиудейской жизни. Вот и все... Далее идет ученое конспективно-изложенное и маловразумительное бормотание увенчанное громкими заголовками: „Из истории и теории пролетарской культуры“, „О революциях в поэзии“.

Но тщетно стали бы вы искать в этих заметках разрешения указанных в заглавии тем! Перед вами предварительные наброски, трактующие (и притом далеко не полно) лишь о *подходе* к затронутым вопросам...

Во втором номере ждет вас та же картина.

„Гвоздь“ журнала—перевод „Дантона“ (2-ой акт!). На месте стихов Ахматовой стихи Бальмонта, бледные и невыразительные, иде-

ально консонирующие со всем остальным... Но нельзя же, однако, безконечно расчитывать на благодушие читателей.

Ведь, чего доброго, возопит систематически обдираемый, обманутый читатель, потребует, наконец, у „Творчества“ творчества без кавычек! А материала—увы—нет как нет! Как же быть?..

И вот, хитроумная редакция Рабиновича из старых подвалов русского литературного архива извлекает торжественно запыленный хлам, покрытый забвением многих десятилетий и преподносит читателю „изнывающему от литературных кризисов“ в качестве „освежающего“ десерта.

Первым литературным покойником, воскрешенным изголодавшейся по творчеству редакцией оказался... А. Вельтман, „безконечно-прихотливый и капризный художник“, один из представителей русского романтизма 30-х годов, как услужливо сообщается в предисловии. Бедный покойник Вельтман!.. Бедный читатель!..

В заключение не могу отказать себе в удовольствии привести полностью одну из трех „стихопроз“ некоего Анфима Ижева, помещенных в том же номере:

„Вы видали ль там за углом—желтый дом с отупелым, голым фасадом, где двенадцать окон в два ряда помутнелым тупятся взором на облезлые напротив заборы, на кустов оветренных своры?

Ветер вьется к нему с мольбою—ветер, ты существо живое: бедный, вой до последней истомы у стены унылого дома, поломай изболелые члены о его охладелые стены—все он будет тупеть неизменно самодовольно—и двенадцать окон помутнелых не уведут своих глаз осовелых от заборных досок побурелых—хоть тоской изойди до конца. Есть такие сердца“.

И есть такие журналы!.. И в одном из таких журналов—„Творчество“—напечатана скверная, процитированная выше, „стихопроза“...

Харьков, апрель 1919 г.

ЖУРНАЛ

„ПРОМЕТЕЙ“

ставя своей задачей достижение чисто художественных целей, главным образом, намерен способствовать пробуждению творческой потенции украинской и русской молодежи.

К участию в журнале привлекаются лучшие литературные силы Украины и России.

Адрес редакции: Петроград, Николаевская 8.

Рукописи просят *временно* направлять по адресу: *г. Полтава, Панянский бульвар 10, редакция журнала „Прометей“.*

Рукописи размером менее листа не возвращаются.

Предварительная подписка *не принимается.*

Ре